

*Любимой и любящей моей
супруге — Валентине — посвящается.*

Счастье - ЭТО ЛЮБОВЬ

Терещенко Б.Н.

«Счастье — это любовь», издательство «Буква Статейнова» 2014 год
- 200 стр.

Поэтический сборник Бориса Терещенко «Счастье — это любовь» — уникальное издание в данном жанре, содержит стихи, поэмы в том числе два венка сонетов, главы из романа в стихах, учение о трёх составляющих любви, а также песни и романсы о любви и живописные произведения автора.

Возрастное ограничение 12+
Терещенко Б.Н., 2014 год
Красноярск, Издательство «Буква Статейнова»

Об авторе

Борис Николаевич Терещенко — учёный, врач, драматург, поэт, фольклорист, режиссёр, художник, философ, педагог, общественный деятель.

В медицине он создал учение о рено-васкулярной (почечно-сосудистой) системе, которое по-новому объясняет болезни и их лечение, что позволило ему разработать теоретические и концептуальные положения интегральной медицины будущего (монография «Беловодье (Воспоминание о медицине будущего)». Красноярск, «Буква С». 2003 г.

В литературе выдвинул новое направление — фольклорную драматургию.

В искусстве вместе со своей супругой Валентиной Петровой, композитором, хормейстером, утвердил новый вид народной традиционной культуры — современный фольклорный театр (их театр «Лучинушка» — народный коллектив, лауреат Всесоюзных фестивалей и смотров, участник Международных фестивалей). Проблема фольклорного театра ими разработана всеобъемлюще: подготовлена монография «Истоки и перспективы фольклорного театра», написано двенадцать народных драм, и все они поставлены авторами на сцене.

В философии Б. Н. Терещенко основал новую науку — биосоционику, обобщающую знания о человеке, природе и обществе, а также учение о трёх составляющих любви.

В педагогике предложил новую программу эстетического воспитания детей на основе традиционной народной культуры.

В живописи разрабатывает темы ведической Руси.

В школьные годы Борис Терещенко — знаменосец школы, спортсмен-перворазрядник, судья по спорту, тренер по гребле на байдарке.

В семидесятые годы подвергался жестокой травле со стороны партийно-номенклатурного аппарата: его пытались засадить в тюрьму, но, защищаясь в судах лично, он выиграл судебный марафон (всего состоялось девять судов); его пытались насильно упрятать в психбольницу на принудительное «лечение», отправили этапом в Томск, но тут его выручила верная супруга силой своей любви и не без помощи прессы (о Б. Н. Терещенко имеется более сотни публикаций в изданиях всех уровней). Творческий багаж Б. Н. Терещенко богат: монография об интегральной медицине; книга «Россия — любовь моя (Письма в буду-

щее)», где изложены его собственные идеи и учения; роман в стихах «Мужчина и Женщина»; поэмы, среди которых пять венков сонетов; повести, эссе; несколько сотен стихов, песен; двенадцать народных драм, около десятка пьес; монография о народном художнике России В. И. Мешкове; каталоги, научные статьи, публицистика; несколько десятков живописных картин (состоялось восемь персональных выставок); опыт работы старшим преподавателем ХФ КрасГАУ обобщён им в методическом пособии «Лекции по биосоционике».

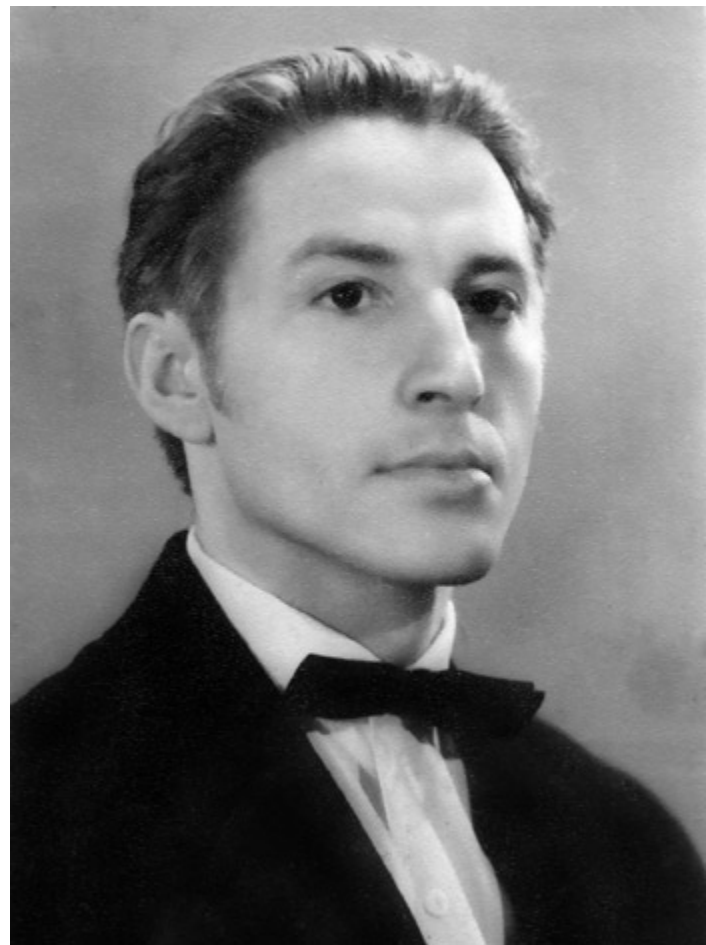
Особое место в творчестве Б. Н. Терещенко занял фундаментальный научный труд «Его Величество — Человек* (Путь к себе)», Красноярск, «Буква», 2006 г., который многие читатели окрестили «Книгой пророка», видимо, имея в виду его «библиичность» (864 страницы) и особую значимость для России и русичей, двадцатитысячелетнюю историю которых автор отображает.

Если первые пять книг Бориса Терещенко имеют публицистический и профессиональный характер, то «Мужчина и Женщина» является избранным его многостороннего творчества в поэзии, музыке, живописи, прозе, драматургии; если «Его Величество — Человек (Путь к себе)» явился пиком деятельности Терещенко как публициста, то «Мужчина и Женщина» является вершиной его деятельности как творца.

Книга Бориса Терещенко «Со сцены — как с трибуны», кроме пьес, включает в себя монографию «Истоки и перспективы фольклорного театра», в которой разработано новое направление в литературе — фольклорная драматургия, утверждён новый вид традиционной культуры — современный фольклорный театр.

В 2013 году в издательстве «Буква Статейнова» вышел альбом Бориса Терещенко «На крыльях любви и творчества»

Поэтический сборник Бориса Терещенко «Счастье — это любовь» — уникальное издание в данном жанре, содержит стихи, поэмы в том числе два венка сонетов, главы из романа в стихах, учение о трёх составляющих любви, а также песни и романсы о любви и живописные произведения автора.

Солнышко моё, здравствуй!

Я далеко от тебя, но каждое утро я обращаюсь к тебе **С**
*Л*асковыми, трепетными, горячими словами привета. **Т**у
*Ю*жные ночи так темны и так необъятны, как пустота **А**
*Б*ыть без тебя здесь равносильно самой пытке, а со **Н**
*Л*ишь подливает масло в любовный сладострастный огонь **Б**
*Ю*ность вернулась ко мне с её пылким воображением **М**
*Т*репетным и мучительным ожиданием неизведанного **О**
*Е*сть ли в жизни нашей человеческой состоянии **Е**
*Б*олее благотворное и благодатное, чем жажда большо **Й**
*Я*ркой и чистой любви? Не потому ли я вновь так влюблён **Н**
В жизнь, наконец-то, пришла моя настоящая весна **А**
А мне ведь так нехватало светлых глубоких чувств **В**
*Л*учшей доли теперь я и не возжелаю для нас **С**
*Е*два ли не постоянно однако меня преследует ощущение **Е**
*Ч*его-то тревожного. Может быть потому, что вокруг **Г**
*К*ричат чайки, и одна кружит надо мной и зовёт вперед **Д**
А мне кажется, что это не чайка, а твоя душа **А**

Б. Т.

Мой милый!

Боже мой, что творилось со мной, когда, наконец, я дождалась твоего первого письма...

Две недели ежедневно, как на работу, я ходила на почту за твоим письмом, которое должно дожидаться «до востребования»; я уже всем бросалась в глаза, ведь до этого на почте почти не бывала... Просыпаясь утром, я твердила, что больше не пойду, унижаться уже нет моченьки, нет сил, но ноги сами снова и снова несли меня по проторенной тропинке...

И вдруг я вижу сон — почти наяву вижу — как ты на ватмане печатными красивыми буквами, любовно выводя каждое слово, пишешь мне письмо... И я — в последний раз! — пошла снова на почту и потребовала письмо, и его подают мне, и оно затрепетало в моих руках...

Не сразу не вдруг я раскрыла конверт, сначала я отыскивала укромное безлюдное местечко на острове, а потом долго сидела, сдерживая сердцебиение. И вот я разрываю конверт, выхватываю малый листочек из тетради, лихорадочно читаю, один раз, второй, третий — ничего не понятно. Но почему так заныло и сжало в груди?

Начала просто разглядывать строчки, буквы. Почему предлог В — с большой буквы? Почему выделены все первые и все последние буквы строк? И вдруг я цепенею в тиши, как от удара грома — от твоего признания: «Я люблю тебя, Валечка, стань моей навсегда», но не радость — меня охватил испуг, ведь ради тебя, ради своей любви я должна лишиться семьи...

Эта фраза, как взрыв, жизнь мою швырнула вверх дном, и над письмом, и над собой я разрыдалась навзрыд...

Дай мне время, любимый, не торопи с ответом...

В. Д.

Стихи - о любимой

Отражение славянского культа двух «рожаниц» - матери и дочери, Лады и Лели. (V-III тыс. до н. э., Триполье)

«Рожаницы» - Лада и Леля

В традиционных вышивках русских женщин

**Макошь - прародительница русичей,
главное женское божество славян**

С обеих сторон её — «рожаницы» (роженицы) Лада и Леля. В ковровых узорах эти три главные русские богини изображаются максимально схематично —

Борис Терещенко.
Лада, богиня-мать.
Масло, картон, 59×60 см., 1990 г.

Культ «рожаниц» (рожениц) — матери и дочери — один из самых древних и самых устойчивых у русичей; до наших дней он дошёл из Триполья (V-IV тысячелетия до н.э.).

Борис Терещенко.
Леля, богиня-дочь.
Масло, картон, 32×24 см., 1984 г.

В старинных песнях славяноруссов обращения к Ладе и Леле были почти постоянными. В ковёрных узорах, в вышивке они изображались в виде стилизованных фигурок, чаще вместе с первобогиней Макошью.

Борис Терещенко.
Сибирячка.
 Масло, ДВП, 58×43 см., 1995 г.

Стихи о любимой¹

Великая любовь неразлучна с глубоким умом, широта ума равняется глубине сердца, оттого крайних вершин гуманности достигают великие сердца, они же великие умы.

(И. А. Гончаров)

На краю ойкумены
 я тебя не искал,
 образ твой сокровенный
 не считал я с листка,
 не списал с Рафаэля,
 не привидел в толпе —
 я всю жизнь к своей цели
 приближался — к тебе.
 Примечталось раздолье,
 мне родное до слёз —
 сарафаны берёз,
 вихрь ромашек на поле...
 И твой след на траве
 среди бусинок росных...

Золотились в листве
 лучей солнечных космы...
 По земле босиком
 ты прошла вешней ранью,
 но была далеко
 от меня — как в тумане...

¹ Половина стихов данного цикла стала песнями, романсами.

Не примята трава,
солнце след сцеловало —
потерял я немало:
мне б твой след целовать!
С первым робким букетом
не к тебе я спешил,
своим первым сонетом
не тебя одарил,
свою первую нежность
не донёс до тебя,
не скажу, что — судьба,
лишь — слепая поспешность:
слишком дерзко в ночи
каблучки простучали...
Я к тебе не спешил —
повстречался с печалью.

2

Синий блюз

Прости, что сдружился я с ветром,
прости, что я вечно в пути,
прости, что живу звёздным светом...
За это за всё ты прости.
Я слышу, опять позывные
тревожно мне шлют журавли,
я вижу, как шлейфы шальные
оставили вновь корабли.

Прости, что всегда неустанно
глазами я небо сверлю,
прости, но другим я не стану,
тебя, как умею, люблю.

И ты огорчайся не очень
на счёт моих ветреных грёз,
люблю твои синие очи
и волны душистых волос,

люблю также синее море
и синее небо над ним,
и синие дали, и горы,
и синие ночи, и дни.

Навечно сдружился я с ветром,
быть вечно в дороге мне с ним.
Прости, но и нынче с рассветом
уйду я в туманную синь.

3

Начал верить я нынче в приметы,
в схемы линий руки, в гороскоп,
стал бояться я злостных наветов,
мне преграда в пути — чёрный кот,

стал он оборотнем между нами
и условностей горы воздвиг,
их разрушить лишь можно сердцами,
воспылавшими жаром любви.

Первой буквой от слова «Любовь»
схемы рук у нас оказались,
не простившись, мы с Вами расстались —
верный признак, что встретимся вновь.

В то последнее наше свиданье
я по звёздам судьбу загадал,
и в глазах Ваших звёзд сочтанье,
столь желанное мне, увидал,

подказали мне тихо приметы,
что исчезнут преграды с пути,
как туманы, растают наветы,
сможем вместе по жизни идти.

4

Сказка

Успокойся, родная, усни,
я тебя убаюкаю лаской,
можешь краешком ушка одним
слушать тихо волшебную сказку.
В необъятной, чудесной стране
жил народ, работающий и смелый,
наделила природа вдвойне
его женщин, красивых, умелых.
И родилось весною дитя
да такой красоты небывалой!
что задумались все, не шутя,
поразмыслив, Любовью назвали.
Пусть, как цвет самый яркий, цветёт,
пусть, как плод самый сочный, нальётся,
грез девичьих несмелый полёт
эхом в сердце пускай отзовется.
В этом хоре восторгов, хвалы
воплъ пронзительный чей-то излился,
над притихшей толпою поплыл

и в сердцах всех людей растворился.
Ядовитый, он начал с тех пор
вытравлять в людях радость и счастье,
не уйти никуда от напасти,
тесен стал необъятный простор.
И от страха народ задрожал,
понял он: воцарилась колдунья
по прозванью чужому «ханжа»,
ясен стал теперь крик тот вешунья.
А колдунья, как вихрь, по стране
с чёрной свитой своею носилась,
всё прекрасное, встретившись с ней,
безобразным, дурным становилось.
И Любовь стала чахнуть, бледнеть,
разве место ей в ханжеском царстве?
Сколько было ночей, сколько дней —
всё ушло под эгиду коварства.
Кто пойдёт до конца за Любовью,
кто вернёт ей былую красу?
За пролитую ею слезу
пусть заплатят обидчики кровью!
На лице твоём милом — волнение,
не тревожься, родная, не смей,
что касается сказки моей,
в ней счастливый конец, без сомненья.

5

Когда ко мне пришла впервые
ты на свиданье в поздний час,
две свечи блики огневые
бросали трепетно на нас.

И с парусами наш подсвечник
горел над нами в тишине...
С тех пор донине и навечно
святыней стал тебе и мне.

Пришлось пройти такие смерчи
и нам, и алым парусам,
что жизни, а не только свечи
могли погаснуть в полчаса.

Но мы живём, и алый парус,
как в первый вечер в первый раз,
своей горячей свечной парой
ласкает и лелеет нас.

6

Закатом красен день, не потому ли
я каждый день читаю текст небес,
и если небо тучи затянули,
становится порой не по себе.
Привычно мне ночное бденье,
хоть в наших комнатах — покой,
лежу часами без движенья,
а мысли кружат над тобой.
Хочу проникнуть в сон заветный,
опередить твои мечты,
ведь если счастье есть на свете,
то для меня — лишь только ты!
А если дрогнет бровь пугливо,
дыхание займётся вдруг,
я помогу тебе, друг милый,

прикосновеньем тёплых рук.
И хоть закат не пламенеет,
не улыбается тебе —
руками нежными сумею
рассвет зажечь в твоей судьбе!

7

Любишь ты моих глаз синеву,
с южным небом сравнить их спешишь,
я же — морем твой взгляд назову,
ты в себе краски моря таишь.

Если небо нахмурится вдруг —
заволнуется море тотчас,
и застонет волна на ветру,
нет печальней тогда твоих глаз.

А когда в заметельную стынь
застучит деловито весна,
прояснится небесная синь —
и заплещет от счастья волна.

И опять мы — глаза в глаза —
наглядеться не можем с тобой...
Синевою горят небеса
над зелёножёлтой волной!

8

Назад к природе — пеший переход.
Мы шли с тобой, куда глядят глаза,
а за душой — ни горя, ни забот,

а за спиной — покладистый рюкзак.
 Как тискал он в объятиях своих,
 дыша над ухом часто, горячо...
 Ты говорила: ноша — на двоих,
 и подставляла верное плечо.
 Осталось сколько сопки позади?
 Но где же та, единственная, где?
 А сердцу — всё тесней, тесней в груди...
 «Откель гребёте!?» — вдруг трубит студент.
 Тьфу, леший бородатый! Напугал...
 Ведь нам казалось — мы совсем одни.
 И тесной вмиг становится тайга
 И неспособной таинства хранить...
 Возврат к природе — предков наших зов.
 Осточертел нам каменный уют!
 Вся жизнь — клаксонов вой, визг тормозов,
 во сне и то забыться не дают!
 Мой прародитель был поэт душой,
 Иначе б глух я рос к родным местам,
 иначе б слеп я был к красе лесной,
 не знал сеченья золотого тайн.
 И мне открылся как особый знак
 в цветеньи буйном редкостный цветок!
 Не зря мы шли (я чувствовал, я знал)
 в лесную чашу — марьин корень влѣк...
 Горел на склоне сопки алый цвет,
 как маленькое солнце, нѣс тепло,
 он не случайно смог здесь уцелеть —
 вокруг него кололось всё и жгло...
 И у подножья сопки я спешу
 освободиться ото всех ремней,
 припасть к траве и слушать, слушать шум,
 зелёный шум родной земли моей...

А мысли все — к тебе одной спешат,
 навек я верен чувству одному,
 всем телом ощутив твой нежный взгляд,
 навстречу потянулся я к нему...
 Ты выпрямилась, встала во весь рост,
 неторопливо косу расплела...
 Стоишь в шатре густых своих волос,
 величественна, ясна и светла.
 Воссоздаёт луч солнца твой портрет:
 волна волос бежит к ногам с плеча,
 играет ветер прядью на бедре...
 Ты — Женщина — начало всех начал,
 источник счастья и причина зла,
 в тебе одной — и буря, и покой!
 И чтобы ты с собой ни принесла,
 с любовью я склоняюсь пред тобой
 и взгляд ловлю, которым ты меня
 всегда зовѣшь и говоришь «твоя».
 Да, ты — моя! — шепчу, тебя обняв,
 и поцелуи-тамги ставлю я.
 Да, ты моя... Желанна, как вода,
 как ключевой родник чиста.
 А без тебя я счастья не видал,
 в возможность счастья верить перестал.
 И марьины коренья, словно жар,
 я голыми руками выгребал,
 жалючек и колючек не страшась,
 кусавших тело, словно сто собак...
 И марьины коренья я сложил
 к твоим ногам... Их память береги!
 Хотя букет цветов недолго жил,
 но вечна память мне даров тайги!

9

Окончен день. Постель. Покой.
 Но стоит смежить мне глаза,
 я вижу — мы в пути с тобой,
 как лыжи медленно скользят
 (нелёгко путь по целине!)
 всё жарче кровь, всё гуще пар,
 ресницы иней склеил мне...
 Я — как из снежной сказки царь.
 Украсил и тебя мороз:
 червонным золотом — лицо,
 а серебром — венец волос,
 а ноги он налил — свинцом,
 но ты со мною — наравне,
 и также пар валит густой,
 а где лопатки, на спине,
 там иней, словно пух, растёт.
 Крылато руки — взад, вперёд,
 толчок — скольженье, вновь толчок...
 Лыжня всё дальше нас ведёт,
 с моим плечом — твоё плечо...
 Хочу по виду я узнать,
 о чём ты думаешь в пути,
 наверно, только б не отстать,
 не подкачать, не подвести.
 Ты думаешь, что я могуч,
 что я и вправду — царь тайги,
 а мне из-под нависших туч
 не выйти без твоей руки.
 В пути мне грезился уют,

Как мягко стелишь ты постель,
 Как руки нежные снуют
 в той белоснежной чистоте,
 которая укроет нас
 и уведёт от груды дел,
 и нам сторицею воздаст
 за долгий путь, за трудный день...
 Окончен день. Постель. Покой.
 Но стоит смежить мне глаза,
 я вижу, мы в пути с тобой,
 а лыжи всё скользят, скользят...
 Встают в душе картины дня
 и счастье щедро дарят мне,
 две наши жизни — как лыжня
 в простынно-снежной целине!

10

Сонет.

Ты — как берёзка, дочь моей России
 Меня всегда смущаешь новизной
 И девственной своею безлезной,
 Готов на всё, чтоб ты не попросила

Умеешь быть простой ты и земной
 и первозданной в чистоте и силе,
 а бездна глаз твоих, как небо, синих,
 куда б ни шёл - как небо предо мной!

Извечно в небо человек стремится,
 и лебедь белый в небе ему снится,
 а ты со мной ведь рядом — не во сне.

Ты рядом, белолица, круглолица,
 моя чудесница и мастерица,
 в моей ты жизни — словно белый снег

11

Сонет

Как самый светлый образ мироздания,
 навеянный восторженной мечтой,
 ты предстаёшь в сияньи предо мной,
 жизнь согревая мне своим дыханьем.

Но я не узнаю себя порой
 слабеет вдруг высокое сознание
 от необузданных, земных желаний,
 такое же творится и с тобой.
 И ты, и я тогда совсем иные,
 пусть нависают тучи грозные,
 и я, и ты — как грешники в аду.

И пусть с тобой мы вовсе не святые,
 взглянув при свете на черты родные,
 к твоим коленям свято припаду!

12

Сонет

Моя любимая во сне смеётся,
 поёт всё звонче песни наяву,
 я этим смехом, песнями живу,
 но счастье в жизни нелегко даётся.

Когда я прошлое невольно призову,
 толпа ханжей вдруг предо мной сомкнётся,
 рекою вспененной от злобы разольётся,
 и я по этой пене поплыву...

Плыву не по течению, а против,
 живу не в услужении — в работе,
 как талисман, храню любовь свою,

и потому жена во сне смеётся,
 и потому всё звонче ей поётся,
 и в счастья я внимаю соловью!

13

Тяжёлым серопепельным кремплёном
 мороз зашторил окна у меня,
 не выпуская из ночного плена,
 он нагло выкрал половину дня.
 Я знаю, за окном, как и вчера,
 туманом придавило всё живое,
 но шастает весёлою гурьбою
 освобождённая от школы детвора.
 А солнце растопить туман не может,
 а птицы замерзают на лету,
 и лёгкою рысцой спешит прохожий,
 скрипит снег под ногами за версту.
 Твоих шагов я весь январь не слышу,
 с сольфеджио ведя неравный бой,
 ты даже письма нынче реже пишешь,
 хоть мыслями и сердцем вся — со мной.
 И весь январь, тревожась и тоскуя,

с минутой каждой всё сильней любя,
готовлю я подарок для тебя —
гладиолусы я трепетно рисую!

14

Не надо, друг мой, с тайною печалью
на худобу мою и бледность лицезреть;
привычка давняя работать и ночами
спать не даёт — не даст и умереть!

Я познавать смысл смерти не берусь —
постиг я жизни трудную науку:
переплавляю в образы и звуки
свою любовь и ненависть, и грусть.

Ты не страдай, родная, за меня,
весь белый свет и всех людей кляня,
когда на тесной жизненной дороге

мне иногда оттаптывают ноги,
когда побитый возвращаюсь в дом,
не плачь — я отплачу врагам потом!

15

Между нами опять — расстоянье,
серпантин подтаёжных дорог,
всё острее печаль расставанья,
и всё выше родимый порог.

Он надёжней любого счита,
это счастье даётся немногим,
но горит над порогом звезда
и уводит порой от порога.

Оттого-то в очах и не гаснут
огонёчки, что звёздам сродни,
освящая поэзией счастье,
вычитая из счастья дни.

16

Сонет

Побед немного было, бед немало
в моей неизбалованной судьбе,
но сила и уверенность в себе
меня в любые дни не оставляла.

Когда же стал принадлежать тебе,
в любви открылся стимул небывалый,
душе неведомы сомненья и усталость
а мыслям дан стремительный разбег.

Приходят чередой ко мне прозренья,
наитье, ясность, вдохновенье,
и я в священнодействии горю,

и вновь спешу услышать твоё мнение,
в твоих глазах я вижу одобренье,
и снова о любви я говорю.

17

Жалею ли о том, что жизнь не вечна,
что думы, а не страсти правят бал?
Нет, не жалею, ведь ещё не вечер,
ещё благоволит ко мне судьба.

И каждый день ещё ласкает солнце,
я и сквозь тучи чувствую его,
и сквозь заиндевевшее оконце
уютного жилища моего.

И хоть являюсь я даждьбожьем внуком,
и сродность к солнцу есть в моей крови,
не в этом счастья моего порука,
она — в моей негаснущей любви.

Любовь одна способна жизнь украсить
и к вечности влюблённых приобщить,
пред ней бессильны время и ненастья,
ведь счастье — быть любимым и любить!

18

Счастье

Я счастлив, потому что я люблю,
влюбляясь с каждым годом всё сильнее,
тобой любуюсь, нежный взгляд ловлю —
твоей любовью счастлив я вдвойне!

Все тайны женские — в тебе заключены,
и ты вверяешь мне от них ключи...
И тайны у нас общие, и сны,
твоё сердечко в такт с моим стучит.

Как кузнецы, сердца наши стучат
и счастье первозданное куют...
А жизнь горит и светит, как свеча,
чтоб не оставили сердца свой труд.

19

Ты помнишь, тебя с первой встречи,
шутя, я Жар-птицей назвал,
пером я Жар-птицы конечно
с тех пор свою жизнь освещал.

Всегда после наших свиданий
искал паутинки волос,
и жар первых встреч наших давних
в душе сохранить довелось.

Коса твоя стала короче,
увы, и не так уж пышна,
и всё ж я тоскую не очень —
как перья Жар-птицы, она!

20

Благодарю седину,
украшившую милое лицо
пронзительнейшей нежностью своей,
люблю я лишь тебя одну.
Венчая женское чело венцом
из верных рук моих,
в потоке дней,
в тиши ночей
я восхожу
к источнику желаний и страстей,
к великим таинствам любви твоей.
Судьбой я обручен с тобой,
Моя религия — любовь,
и счастье, и бессмертие — лишь в ней,
и смысл, и назначенье жизни всей!

21

Любуясь птичьим опереньем
и птиц самозабвенным пеньем,
постигнем мы в конце концов,
что это — хитрости самцов.
Чем ярче жениха наряд,
тем благосклонней милой взгляд,
чем звонче песни он поёт,
тем больше шансов наберёт.
У нас же — всё наоборот:
моя любимая поёт,
а я хотя совсем не прост,
довольно сер и безголос;
и всё же, к счастью, я любим,
любовью вечною храним.
Нарушен брачный тут закон?
Нет, лишний раз лишь подтверждён!
Нашёлся песни я писать
и акварелью рисовать!

22

Когда я разлучаюсь с тобою,
одинокю брожу над рекою,
косы я у берёз расплетаю,
так разлуку с тобой коротаю.

Размечтаюсь о радостной встрече
и несусь к тебе в мыслях навстречу;
опрокинется облачко в речку —
и заноеет от счастья сердечко.

Пусть шатром твои волосы будут,
время пусть твоих ласк не остудит,
тихо в трепетных листьях берёзы
отзываются женские грёзы.

23

Себя я помню в белокипельном наряде
со школьным знаменем на праздничном параде.
Но белый цвет и красный цвет, увы,
сменились серым в сутолоке дней;
всё ж к серому я так и не привык,
мне белый с красным — ближе и родней.
И ты явилась со своей любовью,
и стал я знаменосцем снова;
и снова белый цвет и красный цвет —
со мной, как символ и залог побед,
как оберег и как залог любви,
я с ними жизнь в основе обновил.

24

Цвета морской волны —
твои глаза,
о мере их глубины
судить нельзя.
Как звёзды они горят,
к себе влекут,
и я отправиться рад
в свой звёздный путь.
Стремиться вглубь и ввысь —
судьба моя;

глаза в глаза всю жизнь —
с тобою я.

25

В далеке от любимой
я досуг коротаю,
как, разлукой томимый,
с грустью сладить, я знаю.
У торговцев тбилисских
поспешу заказать я
тканей видных заморских
для любимой на платье,
под цвет глаз моей милой
возьму бархат зелёный,
чтоб на счастье носила,
чтоб быть вечно влюблённой;
а ещё по заказу
перстенёк с изумрудом
с бриллиантовой вязью
ей на пальчик добуду;
для волос её дивных,
до колен достающих,
украшений старинных
подберу самых лучших;
а для маленьких ножек —
туфли, словно игрушки;
пару ярких серёжек —
в её нежные ушки.
Наряжу мою милую,
пусть посмотрят другие,
чем она не красивая,
чем она не княгиня!

26

В твоей нежности, в твоей верности
я нуждаюсь больше всего;
в первоснежности, в бесконечности —
настоящей любви естество.

Не расписаны наперёд судьбой
круги жизненных наших орбит,
каждый день с тобой, каждый год с тобой,
раздвигает границы любви.

Жизнь — лишь в данном мгновении длится,
её смысл — лишь в сегодняшнем дне,
день сегодняшний не повторится,
и его ничего нет ценней

потому, что он — счастья частица,
и лишь в нём пребывает любовь,
только в нём может вечность родиться
нашу жизнь увести за собой.

И лишь только окна зашторятся,
неподвластны и времени мы,
в неге наши сердца успокоятся;
нам светло среди тьмы и тепло средь зимы.

27

Юность-непоседа многого не знает.
 молодость не ценит уходящий миг,
 многое имея, многое теряет;
 служит жизнь тому, кто зрелости достиг.
 Осень золотая, сытость и отрада,
 неторопкий пир, общение без слов;
 осень нам готовит счастье и усладу,
 если сохранились дружба и любовь.
 Нашей жизни осень наш союз венчает
 несказанной райской благодатью любви;
 эту пору жизни я назвал бы раем,
 если бы Господь изгнать не норовил.

28

В день рождения
 Я в твой золотой день рожденья,
 как, впрочем, в любой день в году,
 хочу отвести непременно
 от нас и болезнь и беду.

Всегда — в единеньи с тобою
 в намоленном храме любви,
 а время годов чередою
 оставить свой след норовит.

Идём в направлении в вечность,
 где только любовь и покой,
 вне чувств — минут скоротечность,
 вне чувств — затаённость веков.

29

Пускай в сентябре — день рожденья,
 пусть песнь свою осень поёт,
 в сердцах наших дух обновленья
 любовью извечной живёт.

Почтенные мудрейшие индусы
 в древнейших храмах испокон веков
 науку за наукой познавали,
 сил не жалея, не щадя себя.
 За много сотен лет до наших дней
 свод начертали они твёрдых правил
 одной из самых сладостных наук,
 которую назвали Кама-сутра.
 Я с юных лет сжигаем жаждой был
 познания в науках и делах;
 из всех познаний я в конце концов
 дал предпочтение науке о любви,
 в чём преуспел, я думаю, немало,
 ведь всё, что оценённым быть должно,
 в сравнении находит свою силу,
 так я себе позволю Кама-сутру
 сравнить с моим ученьем о любви.
 Индусы предпочтенье отдавали
 любовной технике, приёмам в ласках,
 я — в суть любви проникнуть постарался
 и дать определение любви.
 В лирических сказаньях и талмудах
 всегда подразумевались под любовью
 любые связи женщины с мужчиной,
 а равно и готовность к этим связям...
 Сгорающий в желании юнец,

и Дон-Жуан, и похотливый старец —
 все, все твердят одно и то же слово,
 но могут ли сравниться чувства их!?
 А может быть, любовь — бесплотный призрак?
 Так почему тогда во все века
 на всех наречиях,
 у всех народов
 не сходит с уст родное это слово?
 Любовь — вполне конкретное понятие,
 подобна электрической дуге
 меж электродами
 при их сближеньи.
 Любовь возможна в жизни, но лишь там,
 где есть взаимность, верность и готовность
 друг друга усладить, пожертвовав собой.
 Без этих признаков все чувства — не любовь!

Храм любви

Мой Храм любви воздвигнут на вершине Дружбы,
 туманы не поднимутся к нему,
 и не страшны ему порывы ветра
 и даже грозные облака.
 Он — видный отовсюду —
 стоять будет века —
 восьмое чудо света.

Список стихов, сонетов.

1. На краю ойкумены.
2. Синий блюз
3. Начал верить я нынче в приметы.
4. Сказка
5. Когда ко мне пришла впервые
6. Закатом красен день.
7. Любишь ты моих глаз синеву
8. Назад к природе
9. Окончен день
10. Сонет (Ты — как берёзка, дочь моя Россия)
11. Сонет. (Как самый светлый образ мироздания)
12. Сонет (Моя любимая во сне смеётся)
13. Тяжёлым серопепельным кремпленом
14. Не надо, друг мой, с тайною печалью
15. Между нами опять — расстоянье
16. Сонет (Побед немного было, бед немало)
17. Жалею ли о том, что жизнь не вечна
18. Счастье
19. Ты помнишь, тебя с первой встречи,
20. Благославляю седину
21. Любуясь птичьим опереньем
22. Когда я разлучаюсь с тобою
23. Себя я помню в белокипельном наряде
24. Цвета морской волны
25. В далеке от любимой
26. В твоей нежности, в твоей верности
27. Юность-непоседа многого не знает.
28. В день рождения
29. Почтенные мудрейшие индусы
30. Храм любви

Жар-птица

Первый бал (г. Мимусиснск, музей им. Н.М. Мартянова, 2004 г.)

ПОЭМЫ

*Борис Терещенко.
Свет неугасимый.
Масло, картон, 68×50 см., 1991 г.*

Мужчина и Женщина

Венок сонетов

1.

Он — в меру смугл, широкоплеч, высок
и гибок, как лоза, как тополь, строен,
красив, но не иконной красотой —
обыкновенный человек — не Бог.

Хоть ладно, верно и надёжно скроен,
но вечно укреплял себя, как мог,
в работе же к себе бывал он строг,
преграды на дороге брал он с боем!

Не потому ль, что в меру просвещён,
и что в делах и в жизни умудрён,
ни богом он, ни чёртом не обижен;

быть первым среди первых испокон
дано ему не потому ль, что он
пытлив и лёгок на подъём, подвижен...

2.

Пытлив и лёгок на подъём, подвижен
не каждый ведь... Инертность — та же лень.
В преодолениях — проходит день.
Преодолеть — ведь это значит выжить!

Ведь это значит: на одну ступень
суметь подняться над другими выше
(никто, наверно, никогда не взыщет,
что к Солнцу устремляешься — не в тень!)

Кому себя преодолеть дано,
быть лидером тому не мудрено,
тот не уронит своего престижа;

И пусть что будет — знает он одно:
лакействовать не станет всё равно,
на «ты» с самим он даже Солнцем Рыжим!

3.

На «ты» с самим он даже Солнцем Рыжим
и сам готов выслушивать на «ты»,
по разуменью мудрой простоты
никто в таком общении не унижен.

Увы! Накинут на людские рты
платок, чтоб не слышать, чем дышат...
За всех начальство думает и пишет,
считая, что «виднее с высоты».

Но может ли мужчина настоящий
лакействовать смиренно, как прикащик,
иль повторять зазубренный урок?!

Ему не быть уж — безмятежно спящим,
руке, сжимаемой в кулак — быть чаще;
от лун бессонных — серебрист висок.

4.

От лун бессонных — серебрист висок,
и в комнате окно — заиндевело...
И всё ж душа его не охладела —
для встречи с Женщиной себя сберёг.

Она взглянула на окно несмело,
не смея перейти через порог;
дыханием, огнём девичьих щёк
окно оттаять для него сумела б.

Ему бы догадаться самому,
ведь сразу видно было по всему:
она надеялась сойтись с ним ближе...

Сперва значенья не придал тому,
всё, что запомнилось тогда ему:
она — бела, стройна и ростом ниже.

5.

Она — бела, стройна и ростом ниже
настолько, чтобы женственно быть.
Дано ей под мужской защитой жить —
но и без опеки может выжить

и даже — будущее защитить,
лишившись даже очага и пищи! —
хоть нежен, хрупок цвет у вишен,
ему — плод с твёрдой косточкой родить!

Её надежда — пара рук, готовых
унять и усмирить любого,
её опора — пара скорых ног.

Сильней меча порой бывает слово!
Не потому ль у Женщины медовый,
певуч и нежен вещий голосок.

6.

Певуч и нежен вещий голосок
Одну и ту же истину вещает:
в любви одной лишь счастье расцветает!
Семья одна — большой любви росток!

Мужчина этой истины не знает,
и не идёт ему наука впрок;
его — то носит вдоль, то поперёк,
судьба-то вверх, то вниз его бросает...

Но Женщина в один прекрасный вечер
шатром волос укроет его плечи —
и вот Мужчина уже — сам не свой...

В шатре волос — не гаснет жар сердечный,
не потому ли Женщина извечно,
как жизнью, дорожит своей косой?!

7.

Как жизнью, дорожит своей косой
она в противовес красотам мнимым,
и в прелести своей неповторимой
она блистает девственной красой.

Её лицо не знает пудры, грима;
ей нравится порой пройтись босой,
омыть подошвы утренней росой,
что, впрочем, жизненно необходимо.

Следы на росных травах — как узор;
узорами следов — соткёт ковёр;
поднявшись, солнышко узоры слижет,

а Женщина застынет до тех пор,
пока горит над ней корона гор —
как волны, чувства грудь её колышат!

8.

Как волны, чувства грудь её колышат,
приметен трепет пальцев, губ и век...
Как хорошо, что может человек
глядеть в глаза и говорить, и слышать,

и, досыта вдвоём наговорившись,
смиривши мыслей напряжённый бег,
почувствовать обязанным навек
друг с другом встретиться, едва простившись...

Так бабочка к цветку всегда стремится,
так в небо синее взмывает птица,
так к морю волны катятся рекой!

И что задумано — тому и сбыться!
Ведь всё равно должны соединиться
две половины красоты земной!

9.

Две половины красоты земной,
Он и Она — как два крыла над бездной,
удерживать от риска бесполезно!
Чтоб воспарить, им нужен взлёт крутой.

Он и Она — подобны крыльям песни,
звнящей над притихшею толпой!
Они — как два крыла любви самой,
царящей над живыми повсеместно!

Он и Она — далёкие сначала,
к великой радости или печали
вступают меж собой в союз святой,

в один поток вливаются ручьями...
Он и Она — два жизненных начала,
рождающие бурю и покой!

10.

Рождающие бурю и покой,
Любовь и Нежность — два высоких чувства.
Иметь талант к ним надо, как в искусстве,
познать их силу может — не любой.

Хоть не отметить меркою Прокруста,
где есть Любовь, а где инстинкт слепой,
подсказывает опыт нам порой,
встречается Любовь, увы, не густо.

И всё же — быть Любви, сомнений нет,
где личности друг с другом — наравне,
где и беда от верности не сдвинет!

Они — один другому — всё нужней,
и чтобы совершенней стать вдвойне,
в Любви стремятся слиться воедино!

11.

В любви стремятся слиться воедино
Высокое Сознание и Инстинкт.
Кто их сумеет верно совместить,
тот смысл и глубину Любви постигнет.

Без либидо — Любви не расцвести:
оно её движитель, сердцевина.
Но и без красот Души — Любовь остынет:
в мечтах сперва Любовь нужно взрастить.

Он и Она должны познать друг друга,
себя готовя — не в цари, а в слуги,
и Ханжеству — решительный дать бой!

Когда ж сплетутся — и не в час досуга,
а навсегда — их интересы туго,
Он и Она — как ветви меж собой!

12.

Он и Она — как ветви меж собой:
две пары рук — как лебеди, плывущих!
Две пары ног — пружинистых, зовущих
и попадающих вдруг в ритм шальной!

Уста — к устам, в безмолвии поющих!
Глаза — в глаза, сверкающих слезой!
Всеобжигающий душевный зной!
Жар тел, между собой преграды рвущих!

Остановись, Прекрасное мгновенье!
О нет, теперь уже в ином — спасенье:
исторгнись облегчающей грозой!

Тела безмолвны... Души в упоеньи
ещё творят высокое паренье...
Свети ж им, День! Надёжно, Ночь, укрой.

13.

Свети ж им, День! Надёжно, Ночь, укрой
и сохрани от бед-болезней разных,
от слов-наветов мелочных и грязных,
от чёрной злобы-зависти людской.

И пусть Любовь их будет для несчастных
лучом Надежды — ледяной зимой,
прохладным дуновением — весной:
нет ничего – безверия ужасней...

И хоть Любовь несёт немало бед,
но всяк живущий с самых юных лет
всё грезит страстной сладостной картиной.

Красивее влюблённых — в мире нет!
И с завистью глядят все им вослед...
Да будет вечно Женщина с Мужчиной!

14.

Да будет вечно Женщина с Мужчиной!
И время пусть Любовь их сбережёт.
Да здравствует и множится их род
повсюду на Земле навек отныне!

Над ними пусть летит за годом год,
но пусть не горбит, не сгибает спины,
и пусть избавит их от страха и гордыни,
но только от трудов пусть не спасёт

и честь свою, как стяг, нести обяжет,
чтоб дети жизнь сумели строить так же,

перешагнув родительский порог...
У матери на сердце камень ляжет,
но с гордостью о сыне своём скажет:
он — в меру смугл, широкоплеч, высок.

15.

Магистрал

Он — в меру смугл, широкоплеч, высок,
пытлив и лёгок на подъём, подвижен,
на «ты» с самим он даже Солнцем Рыжим,
от лун бессонных — серебрист висок.

Она — бела, стройна и ростом ниже,
певуч и нежен вещей голосок,
как жизнью, дорожит своей косой,
как волны, чувства грудь её колышат.

Две половины красоты земной,
рождающие бурю и покой,
в Любви стремятся слиться воедино!

Он и Она — как ветви меж собой!
Свети ж им, День! Надёжно, Ночь, укрой.
Да будет вечно Женщина с Мужчиной!

Любимая

Венок сонетов

1.

Любимую узнаю за пять вёрст —
она на женщин прочих не похожа:
изящней силуэт её и строже,
Хоть не ярчайшая, но лучшая из звёзд.

Лишь для меня её сиянье, может,
и в это верить хочется всерьёз,
вопрос о верности всегда не прост,
однако в принципе решаем всё же.

Я верую в супружеский союз,
взаимностью и верностью горжусь,
и в этом — обоюдная заслуга.

И пусть нелёгок обязательств груз,
и круг желаний ограничен пусть —
легка её походка и упруга.

2.

Легка её походка и упруга,
идём по жизни мы плечо в плечо,
любой крутой подъём нам нипочём,
лишь только крепче держимся за руки.

Пускай ладоням влажно, горячо,
но на вершину не взойти безруким,
высоты покоряют не от скуки —
чтоб повстречаться первыми с лучом.

Не только ведь в трудах проходит жизнь,
и если свои песни петь решит
она под настроенье на досуге,

все замирают благостно в тиши —
своим талантом всех заворожит:
нет голосистее её в округе.

3.

Нет голосистее её в округе,
недюжинный талант стихийно рос,
в сокровищницу песен он принёс
органные пленительные звуки.

Кому её послушать довелось,
готов из благодарности к услугам.
Признание — всеобщая порука
и смеха неподдельного, и слёз.

Эффектом внешним мир не завоеешь,
когда имеешь красоту земную,
нужды нет наводить дешёвый лоск.

Когда веду я под руку родную,
от гордости мужской всегда ликую:
пышнее и длиннее нету кос.

4.

Пышнее и длиннее нету кос —
любви стихия, свёрнутая туго,
способная взорваться знойной вьюгой,
зависнуть, словно ветви у берёз,

и зазвенеть высоким строем фуги...
И я, как виноградарь среди лоз,
снимающий пылающую гроздь,
готов идти по замкнутому кругу

одной любви к возлюбленной одной,
быть преданным и телом, и душой,
с готовностью служить своей подруге.

Воздастся мне сторицею святой:
она умеет жертвовать собой.
Какое счастье быть её супругом!

5.

Какое счастье быть её супругом,
уютное гнездо неспешно вить,
себя для новой жизни обновить,
вовек не знать душевного недуга.

Почувствовав волнение в крови,
подставить тело дуновенью юга,
среди запахов некошеного луга
внимать вселенской музыке любви.

Познав любовь, твердить я не устану:
обязанность влюблённых не простая —
беречь любовь свою от бед и гроз.

Чем глубже и отчаянней влюбляюсь,
тем всё упорней, искренней стараюсь
стать навсегда кумиром женских грёз.

6.

Стать навсегда кумиром женских грёз —
что может быть достойнее мужчины?!
Любовь — наивысочайшая вершина,
любимым быть — наивысший в жизни пост.

Чиновников, как тараканов, ныне

так много повсеместно развелось,
что снизился на честь мужскую спрос —
на мерзости готовы ради чина.

Я не завидую удачникам лукавым,
купающимся в роскоши и славе,
кого Всевышний надо мной вознёс,

ведь всяк из нас свой выбор делать вправе,
мое предназначенье мне по нраву —
купаться в неге на волнах волос.

7.

Купаться в неге на волнах волос
и вседозволенностью тайной упиваться,
и на качелях нежности качаться,
и трепетать, как крылья у стрекоз.

Как много в каждом звуке интонаций,
их понимает сердце, а не мозг.
И если слово от любви зажглось,
одним лишь словом можно наслаждаться.

Без нежных, страстных слов любовь нема,
от них она зависит и сама,
особенно важны они в разлуке.

От жарких слов отступит и зима,
они помогут любящим весьма
с годами всё сильнее любить друг друга.

8.

С годами всё сильнее любить друг друга,
быть трогательней, ласковой, нежней,
всё снисходительней и всё дружней —
мудрейшая, труднейшая наука.

Прожить в согласьи до последних дней,
не причинив один другому муки...
Муж и жена, как други и как слуги,
обязаны по сути быть своей.

Желаннее, красивее, нужнее,
незаменимое и всё милее
для мужа может стать тогда жена.

Когда достоинств множество имея,
когда и мужу угодить умея,
и искренна, и женственна она.

9.

И искренна, и женственна она,
не в этом ли секрет очарованья
и прелести её необычайной,
стремленья выразить себя сполна.

Быть мужу в лёгкость, а не в наказанье,
послушной так же, как ветрам волна,
не твёрдостью ведь женщина сильна —
податливостью мудрой изначальной.

Не сразу вдруг, а после испытаний,
в час радости большой и в час печальный
проявится природы глубина.

Предела нету для её познания,
и в возрасте любом, и в состояньи
её любовь красот не лишена.

10.

Её любовь красот не лишена
и ритуальности, и вдохновенья,

а потому она меня мгновенно
пьянит и будоражит без вина.

И доверяясь в самом сокровенном,
стремясь любовь до глубины познать,
вдруг понимаешь: в чувствах нету дна,
предела нет идущим вверх ступеням.

Не оттого ли с каждым новым днём
мы с новой жаждой час свиданья ждём,
стремимся к наслажденью ежечасно,

хотя вдвоём семью мы создаём,
семьи очаг всегда силён огнём
глубокой женской мудрости и страсти.

11.

Глубокой женской мудрости и страсти
нельзя ни научиться, ни занять,
с таким приданым, следует признать,
встречаются любимые нечасто.

Не блещет щедростью природа-мать,
корить в несправедливости напрасно,
всё меньше княжеских натур прекрасных
ей удаётся ныне создавать.

Моя родная отстоять сумела
свой сан княгини истинной на деле
из многих сотен, может быть, одна.

Она для доли княжеской созрела:
одновременно с гармоничным телом
гармонией души наделена.

12.

Гармонией души наделена,
и потому, как солнышко, лучится,
улыбчива, румяна, круглолица,
и доброты, и нежности полна.

Моя кудесница и мастерица
прекрасна и желанна, как весна,
хоть кое-где уже и седина
в отдельных её прядях серебрится.

И пусть морщинок больше год от года,
мне кажется, что так и надо вроде,
в них — не моя и не её вина.

Седины прятать — не её забота,
не угодить ей эфемерной моде —
она для высшей жизни рождена.

13.

Она для высшей жизни рождена,
чтобы для многих стать живым примером,
чтоб научить любви, надежде, вере,
духовности посеять семена.

У нас в морали велики потери,
картина бездуховности грустна,
привилась прочно безыдейность к нам,
как в джинсы, влезли в чуждые манеры.

Проста наука — ближнему служить,
с ответной благодарностью ловить
в движеньях, в чувствах, в мыслях соучастье.

Тогда не будет рваться связей нить,
в союзе двух сердец лишь можно жить
для вечной неги, для любви, для счастья.

14.

Для вечной неги, для любви, для счастья
рождается, наверно, человек,
однако на его короткий век
не много ли случается напастей?

Не в том, что выпадет неожиданный снег,
беда для нас таится от ненастья,
а в том, что ждём свой рок мы безучастно
и не готовим тщательно ночлег.

Ведь никому путь к счастью не заказан,
но тот, кто выберет его, обязан
входить в жизнь, как хозяин, а не гость.

Хозяин же с хозяйкой тесно связан,
и потому я сердцем своим сразу
любимую узнаю за пять вёрст.

15.

Магистрал

Любимую узнаю за пять вёрст,
легка её походка и упруга,
нет голосистее её в округе,
пышнее и длиннее нету кос.

Какое счастье быть её супругом,
стать навсегда кумиром женских грёз,
купаться в неге на волнах волос,
с годами всё сильнее любить друг друга.

И искренна, и женственна она,
её любовь красот не лишена,
глубокой женской мудрости и страсти.

Гармонией души наделена,
она для высшей жизни рождена —
для вечной неги, для любви, для счастья.

Песня про янтарный дворец

Поэма

1.
Балтийское море
янтарной волной
о чём-то своём
поёт.
Свинцовую тучу,
как тяжкую мысль,
ветер к нему
несёт.

И пенятся волны,
темнеет вода,
чайки кричат
в тоске,
и как позабытый
солнечный луч,
горит янтарь на песке...

Заплаканных окон
нечёткий квадрат,
линялого неба
лоскут,
песня — как эхо,
эхо — как плач,
тоски безутешной
разгул...

На подоконнике
вянет мак,
листья желты,
сухи.
рядом с вазой
белеет лист —
чьи-то лежат
стихи.

А в них — о призрачном
счастье речь,
а в них — и мечта,
и боль,
и всё это в целом —
чувство одно,
а имя ему —
любовь.

2.
Литовская женщина
пишет письмо,
пишет в Сибирь
письмо.
В дальние дали
слова полетят,
как журавли
весной.

Литовская женщина
пишет письмо,
не слышит, как море
шумит,
что капля за каплей

давно, давно
грустно в окно
стучит.
Задумалась крепко:
литовский язык
не знает совсем
адресат...
(спутившись устало
с покатых плеч,
свернулась в ногах
коса).

Литовскую нежность,
литовскую грусть
оценит, поймёт ли
чужой?
Зачем пробудил он,
зачем бередил
мечту о любви
большой?

Литовская женщина
пишет письмо,
не может его
не писать
(а волосы тихо
струятся на грудь,
сама расплелась
коса).

Вздывается круто
морской волной
тяжёлых волос
прибой.

Под ними — янтарь.
Его на грудь
волна принесла
с собой.
Янтарь — это в море
застывший луч,
янтарь — любви
талисман...
Литовская женщина
пишет письмо,
взор застилает
туман...

И вновь перед нею —
волна за волной —
картины счастливых
встреч.
Всё в памяти сердца,
в памяти тела
сумела она
сберечь!

Он часто трогал
косу её,
при этом всегда
шутил,
гадая, докуда
достанет коса,
если её
расплести...

От встреч с ним осталось
тепло его рук
и запах цветов

и смол,
и мак, что с собою
она привезла,
и это её
письмо.
Литовская женщина
пишет письмо,
пишет в Сибирь
письмо.
В дальние дали
слова полетят,
как журавли
весной.

3.
Вокруг — всё, как прежде:
дети и муж,
работа и дом,
цветы...
Но нет лишь покоя
былого покорства,
но вспыхнули вновь
мечты,

проснулись надежды
на счастье любви,
любовь эта
так близка,
только бы сети
суметь порвать...
Сети порвать...
Но как?!

Вопрос — не под силу,
самой не решить,
со стороны —
видней.
К бабушке милой
она спешит,
а та — навстречу
к ней.

«Ой, внучка родная,
случилась беда:
наверно, схожу
с ума —
пришла телеграмма,
а в ней — про любовь...
Возьми-ка, прочти
сама.

Из-за проклятой
ходу мне нет,
смеётся почти
всё село!
В чём тут причина,
мне объясни,
кто мог пошутить
так зло?»

У бабушки внучка
посланье берёт,
взглянула — и ну
хохотать,
и бабушку вихрем
давай кружить,
давай обнимать,
целовать!

«Чу, наважденье», —
старушка твердит,
крестом осеняя
всех,
всё стало понятно,
узнала когда
про внучкин любовный
грех.

А внучка ликует,
песням её
годы — не дни
звучать!
(волос её струны,
счастьем звеня,
играют вокруг
плеча).

Струн звонких коснулась
старушки рука —
и песня пропала
вдруг.
«Ты веришь в ЭТО? —
спросила она, —
не слишком ли поздно,
мой друг?»

4.
Курортный посёлок,
скука, хоть вой,
хоть вызвони лбом
столбы.
Тогда нечто новое
в медные лбы

медь проводов
вдолбит.

Тогда эта новость,
как в омуте всплеск,
поднимет и муть,
и смрад —
и ни объехать
тот омут нельзя,
ни повернуть
назад.

Как ни хранила
тайну свою,
как ни пеклась
о ней,
тайну-отраду
сберечь не смогла —
стало ещё
трудней.

Зачем пробудил он,
зачем бередил
мечту о большой
любви?

Теперь вместе с нею
безудержный страх
в сердце гнездо своё
свил.

С любимым прощаясь,
решила она

о встрече с ним
загадать,
у русской кукушки
спросила тогда,
сколько времени
ждать.
Пять раз пропела
кукушка в ответ,
может, пять месяцев,
может, лет...
Никто не скажет,
не знает никто,
и дать нелегко
совет.

Не знает, как будет,
но знает, как быть...
Пять дней не прошло,
она
с детьми переехала
к бабушке жить,
к морю, в избу
в два окна.

У бабушки снова по горло забот,
любимицу жаль
до слёз:
бог внучке красу дал,
тугую косу,
а счастья в любви
не принёс.

Ах, если бы знала,
где бродит оно,
сама бы за ним
пошла.
Ох, если могла бы
спуститься на дно,
то счастье для внучки
нашла.
Сама не видала
счастья в свой век,
не знала его в глаза —
то пот заливал их,
то вдруг — пелена,
а то набегала
слеза.

А слышать слышала
от старых людей
о счастье немало
слов,
немало мечтала
о счастье она,
немало увидела
снов.
Где счастье, знает
морское дно,
да, может, ещё
волна,
которая часто
на берег морской
выносит янтарь
со дна.

Янтарь — лишь частичка

большого дворца
и счастья былого
след.
Русалка Юрате
в янтарном дворце
жила вне забот
много лет...

Гибкое стройное
тело её,
пены морской
белей,
увидел однажды
рыбак молодой
возле своих
сетей.

Хотела русалка
ему наказать,
чтоб рыбу ловить
не смел,
но только смотрела
ему в глаза...
Такого не было
с ней.

Смутила ль широкая
грудь рыбака
иль жар его
смелых глаз —
притихла Юрате.
Седая коса

вокруг неё
обвилась.

А юноша сети
в лодку втащил,
а с ними —
и деву-красу.
В руках могучих
добычу свою,
как счастье, держал
на весу.

Рыбак ликует:
счастье — в руках!
Мечта, наконец,
сбылась.
Юрате не сводит
с губ рыбака
жёлтозелёных
глаз.

И крепко к сердцу
её он прижал,
слились в поцелуй
уста.
Тут море с небом
смешала гроза
(Перкунас влюблённых
застал).

Ни шума, ни грома
не слышал рыбак,
ни где он, ни что с ним,
не знал.

Себя обнаружил
в янтарном дворце,
когда пробудился
от сна...

Рыбак в объятьях
Юрате лежит,
в сети густых
волос.
Так сладостно, мирно
лежится ему
вдали от тревог
и гроз.

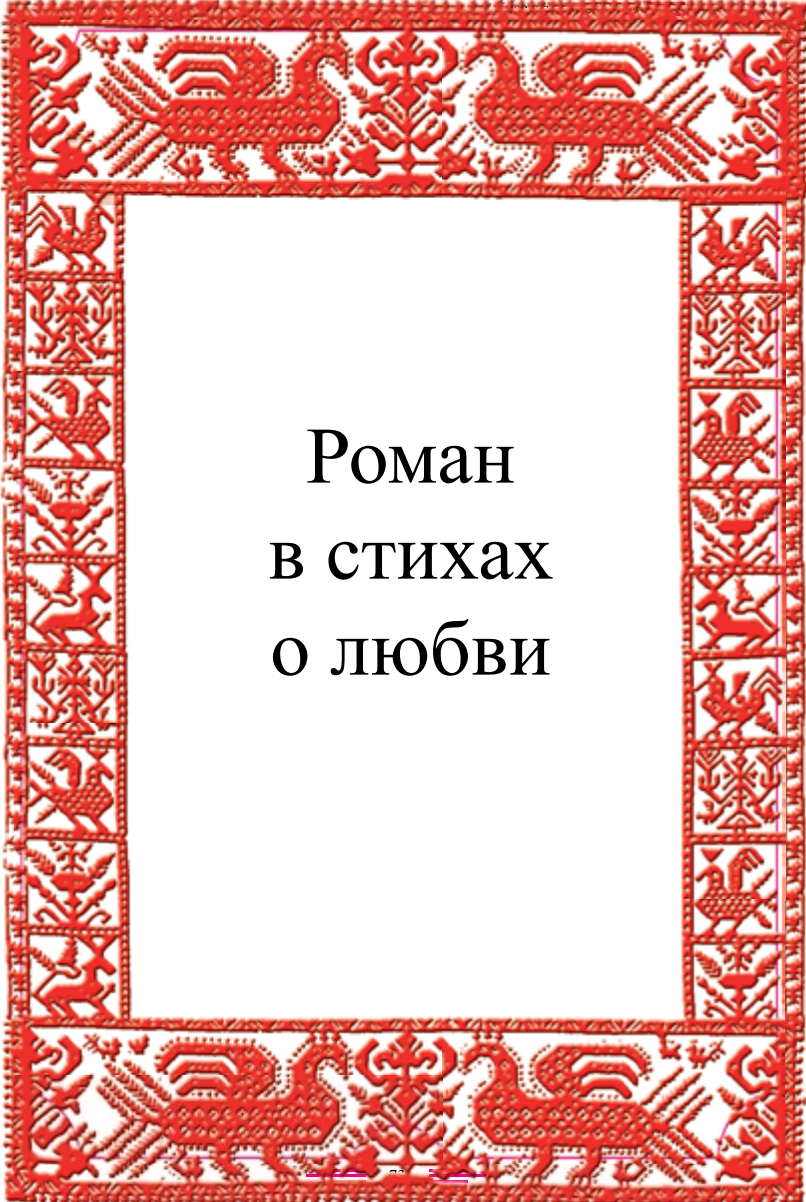
И песнями сердце
тихо звенит,
и счастьем душа
полна,
но тучи всё ближе,
всё ниже над ним,
судьба его
решена.
Нарушил юноша
святость дворца,
в тайну счастья
проник,
велел Перкунас
разрушить дворец,
(хранит теперь счастье
гранит).

Никто не видел
русалку с тех пор,

янтарного нет
дворца,
но в час беспокойный
на берег волна
выносит янтарь
без конца...

А юноша мёртвым
был найден у скал
с большим янтарём
в руке,
с улыбкой счастливой
на бледных устах,
с жемчужной слезой
на щеке...

Литовские женщины
с песней любви
ищут янтарь
по утрам,
но грустны их песни,
в них – горечь разлук
и тяжесть людских
утрат.

Роман в стихах о любви

*Борис Терещенко.
Солнце — Бог и Отец наш.
Масло, ДВП, 125×60 см., 2009 г.*

**Главы из романа «Мужчина и Женщина
(Вечерние беседы наедине)»**

Влюблённые потому только не скучают
друг с другом, что всегда говорят
только о самих себе.

(Ларошфуко)

Борис Терещенко.
Глоксинии.
Акварель, бумага, 42×51 см., 1978 г.

Глава вторая

Как много переплелось
спутанных чёрных волос,
бессчётные буйные пряди...
Так смешались думы мои,
так думы мои в разладе.

(Акико)

наши головы к солнцу.
Никнем, жмёмся к земле,
порой сами не зная,
что собой представляем,
что нам в жизни милей.

Сколько женщин на свете
некрасивых, увы!
Кто былинку приметит
среди жухлой травы?
Я травинки значенье
осознала в себе
и смогла направленья
в своей выбрать судьбе...

2.

Как трава, я была,
неухоженной, дикой.
Под дождём — я росла,
под подошвами — никла...

Да, мы бабы — трава,
мы растём — где придётся,
поднимаем едва

В детстве, помню, стою
босиком у калитки,
чешу ножку свою,
всю в царапинках, в ципках.
А по улице с мамой
дочка гордо идёт,
в белоснежной панаме,
словно лодка плывёт.
В белых туфлях, носочках,
и сама вся бела.
Эта мамина дочка —
как с экрана сошла!

Эта девочка в белом
мимо шла, как во сне.
Стать такой же и мне
хоть на миг захотелось...
Вдруг захлопали ставни,
вокруг стало темно —
и гроза захлестала!
И померкло кино!
И в восторге великом
(где и смелость взялась?)
я с отчаянным гиком
мимо них пронеслась!

Как трава, я была,
неухоженной, дикой.
Под дождём — я росла,
под подошвами — никла.
Я жила не любя,
но и горя не знала,
вдруг «среди шумного бала»
повстречала тебя.
Ты мою руку взял
и сравнил со своею,
«Будь навеки моею»,
улыбнувшись сказал.
Не смущай сердце мне
и меня зря не мучай...
Разве женщины лучше
и достойнее нет?

Глава третья

И вечный бой!
Покой нам только снится...

(А. Блок)

3.

По легенде Платона,
человек был — как бог.
Только, богом рождённый,
он себя не сберёг.
Видя силу свою,
возомнил пред богами
и попрал их ногами!
Но сражён был в бою
на мирском поле брани...
Боги гордых людей,
раздвоив в наказанье,
расшвыряли по всей
необъятной вселенной...
Кто подскажет решение,
как из разных частей
воссоздать тех людей?

В неприкаянном мире
чахнут полутела,
и крошечная мгла
душит души в эфире...

Мельтешат полулюди
в суете, маяте —
сколько разных мастей
лежебок, лизоблюдов!

С полусилы вершат
судьбы стран полуумки,
полупьяны с полрюмки,
выйти в боги спешат.

Нимбы рьяно куют
и возводят чертоги,
и пурпурные тоги
для себя спешно шьют.
Но от пышных затей
ещё больше убогость...

Что ж вы, боги, о боги!
Сделали из людей?!

Что касается лично
в этом деле меня,
то и ради приличий
лгать не стану ни дня.
Знаю я, всё равно
быть борьбе между нами,
мне тягаться с богами —
на роду суждено.
Но чтоб силу былую
я сумел показать,
половинку родную
должен я отыскать...

С детства мать мне являла
светлый мир красоты
и была идеалом

моей чистой мечты.
Я сверялся по ней
о достоинствах женских,
когда чувства во мне
поднимались до всплеска.
Наши чувства — как реки,
силу их — не унять,
если даже навеки
их плотиной сковать...

Скован чувственным зудом,
я забыл о мечте
и спешил в суете
в никуда ниоткуда...

Хоть в начале пути
изменил идеалу,
но зато и немало
в моей жизни постиг.

Жизнь, — я понял, — борьба,
чувства наши — как реки.
По реке — и судьба,
и вся жизнь человека!
А при встрече с тобой
убеждался, что вечна
в жизни — только любовь!
Что любовь — бесконечна!

Из всех женщин на свете
лишь в тебе узнаю
половинку свою —
я клянусь тебе в этом!

Глава четвертая

робко он целовал,
и мне сладко так было...

Истинная любовь похожа на
привидение: все о ней гово-
рят, но мало кто её видел.

(Ларошфуко)

4.

Мне легенда Платона
объяснила любовь,
в твоих нежных ладонях
её чувствую вновь...

О любви мне однажды
баян сладостно пел.
Ею в юности каждый,
словно корью, болел.
Помню, как голова
после танцев кружилась,

Помню, поле пшеницы
от села до села,
через поле, как птица,
я летела — не шла.
А колосья вставали
всё тесней на пути,
а колосья смыкались
над дорогой почти...

А давно ль колоски
лишь травинками были,
припорошены пылью,
вяли, сохли с тоски.
А теперь в позолоте
они гордо стоят,
вышли, как на парад,
и шумят беззаботно.
И вибрирует гул
над пшеницей, как в море,
и как в море, бегут
волны в хлебном просторе.

Средь колосьев пшеницы
я виднелась едва,
а вверху — синева,
в синеве где-то — птица...
Но не зря говорится:

хлеб — всему голова!
Цвета колоса — ноги,
и упруги, резвы!

Колоском над дорогой
мне звенеть среди травы!

Зазвенело всё вдруг
от земли и до неба,
то ль во мне, то ль вокруг,
то ли — была, то ли — небыль,
то ль кузнечик стрекочет,
то ль колосья звенят,
то ли вырваться хочет
песнь с груди у меня...

Но той песне родиться
не судилось тогда:
над вскрылѐнную птицей
разразилась беда...

Гадко, больно и горько
вспоминать до сих пор,

как жених с падшей Морькой
пропивал мой позор...

Почему же звенела
песнь в дырявых мехах?
— слеза счастья блестела
у меня на глазах...

Почему же ириски
не рассыпались в прах? —
снегом таяли чистым
у меня на губах...

От себя куда деться?
Как сгасить людской смех?

На крючок — дверь.
И сердце я закрыла для всех.
Не стучись же, несчастный,
не свисти под окном.
Просвистел своё счастье,
променял на вино.
И не выйду к тебе я
ни сейчас, ни потом,
и простить не сумею
никогда ни за что!

Убивалась мама,
горевала без слов,
от всеобщего срама
убивалось село...

Я ушла в медицину...
Баянисту назло
вышла замуж с кручины.

Так и горе прошло.

Глава пятая

Встреча со злой собакой — не к добру.

(Из «Сонника»)

5.

Говорят ведь не зря:
у судьбы есть печати...
С чёрной тушью — печали,
с красной — радость творят.
А штампует судьба,
говорят, без разбора —
век дрожи, что тебя
припечатает впору
вдруг по белому — чёрным! —
ни за что! Ни про что!
И заслуг не зачтёт.
И шархаться будут
от тебя, как от чёрта,
красноштанпные люди...

Но у нас для судьбы —
не один только зад!

Для чего ж тогда лбы?
И другой весь фасад?

Чтоб всегда нам ответ
дать судьбе: Да иль Нет!

Право первого шага
не в талмуд сведено,
не пылится в бумаге —
нам природой дано!
Как нередко небрежны
мы бываем подчас,
шаг наш первый поспешный
нас подводит не раз.

Вспоминать — и то горе,
как жену выбирал...
Подоспела пора —
был я скорым на сборы.
Кандидат в мою тещу
привечала меня,
была день ото дня
всё милее и проще.
В её доме — в красе
трое дочек ходили,
но фамилии все
у них разные были.
За неповиновенье,
не смиряя свой гнев,
их в пылу откровенья
называла «Пся крев».

Ну, а самой красивой,
той, что нравилась мне,
не скупясь, подносила
всё, что было сытней
(даже рюмку — в обед!),
чтобы дочь пополнила
и скорей чтоб доспела
до шестнадцати лет.
Женихи табунились,
не считая потерь,
и в открытую дверь
днём и ночью ломились...
Знать, сведуща в латыни
моя теща была,
за «розумну людыну»
свою дочь отдала.
По мичуринской моде
в тот период я жил,
«переделать природу»
я спешил в меру сил.
Блажь на сердце нашла
или спала завеса —
сказка вдруг ожила
о невесте-принцессе.
Лишь к одной к ней на свете
прикипели мечты.
Я дарил ей сонеты,
я таскал ей цветы...
Ну и что ж, что невеста
«не ходила в княжнах» —
ей понятие чести

объясню на словах.
Ну и пусть, не лежала
её к книжкам душа —
я духовность, пожалуй,
ей привью не спеша.
Ну, а если разлюбит
и предаст за спиной —
пусть пошепчутся люди,
зло смеясь надо мной.
Значит, пылкой любовью
привязать не сумел,
значит, сам и виновен:
сам свой выбрал удел...

Самый глупый и жалкий
неудачник и тот
беспородную шавку
с собой в лес не возьмёт.
На охоте — как в жизни —
так приспичит порой —
ни залаять, ни свистнуть...
И тогда-то и надо
в ситуации той
понять всё с полувзгляда,
с полумысли одной...

И невест и собак
мудрено выбирать,
крепко может судьба
присобачить печать

на ходу на беду...
 И всё ж в деле собачьем
 процент бóльший удачи:
 всё у них на виду,
 в паспортах — как у князя —
 родословная вся,
 и намордник привязан,
 и медали висят,
 по которым понятно —
 пред тобой — лучший пёс,
 есть повышенный спрос
 на таких, вероятно.
 Знать при этом лишь нужно,
 чем тебе он услужит.
 Поймать надо, к примеру,
 понорившихся лис —
 выбирай фокстерьера
 иль за скотча держись,
 ещё злее в норе
 басовитая такса,
 перед ней у зверей
 устоять нет и шанса!
 А на тех, кто летает,
 есть управа своя.
 Кто легавых не знает?
 Да от их свехчутья
 и болото не спрячет,
 не спасёт и вода!
 Стойку делать всегда —
 не из лёгких задача.
 Хоть была бы награда,

так куда бы ни шло,
 им при слезке ведь надо,
 не жалеючи сил,
 целый день колесить,
 а подняв на крыло,
 замереть, прыть смиряя,
 и смотреть, как хозяин
 дичь расчётливо бьёт
 и навскидку, и влёт...

Если в степь уйдёт зверь,
 есть на это борзые.
 Нет им равных в цене
 и поиместей нет!
 Но умолкли теперь
 эти своры лихие.
 Опустив хвост-правило
 живут тихо, уныло
 (не на псарнях — в домах!)
 Лишь ночами во снах
 вновь их души собачьи
 во главе с доезжачим
 сатанеют в степях!

И невест, и собак
 мудрено выбирать.
 Крепко может судьба
 присобачить печать...
 Страшней таксы едва ли
 встретишь пса и во сне —
 от медалей-регалий

на груди места нет.
 Чистокровнейший пёс
 на тебя пасть ощерит —
 корешками волос
 в нём почувствуешь зверя...

У невесты иной
 дивных прелестей столько —
 дух захватит порой,
 вмиг пред ней станешь в стойку.
 А она, словно месяц
 над тобою в ночи...
 И скулишь пред принцессой,
 клянчишь к сердцу ключи...
 И вот яркой звездой
 она с неба слетит
 и тебя ослепит
 неземной красотой...
 Свадьбу не отплясав,
 вдруг поймёшь — просчитался:
 эта дева-краса
 пострашнее, чем такса.

И невест, и собак
 мудрено выбирать,
 крепко может судьба
 присобачить печать.
 Но у нас для судьбы
 не один только зад.
 Для чего ж тогда лбы
 и другой весь фасад?

Глава шестая

Печаль — это целое море,
 а радость — жемчужина в нём,
 которую часто — о горе! —
 калечим, пока извлечём.

(Петёфи)

6.

О печатях судьбы
 рассказал ты занятно,
 что же делать, как быть,
 как навек полюбить,
 всё равно непонятно.
 Разве я не любила
 баяниста? Увы!
 Это чувство разбилось
 от позорной молвы.
 Было зёрнышком звонким
 это чувство моё —
 закатилось в сторонку
 и ушло в забытьё...

Не ушло. Проросло,
 десять лет продремавши —
 всем невзгодам назло,

наконец, расцвело
в отношениях наших.

Но умчались года
в никуда навсегда...
Неужели должны мы
десять лет ожидать
своей встречи с любимым?!

Нет, года — не нули,
никуда не ушли,
а на сердце, на плечи
навалились навечно...
Ты сказал, первый шаг
выбираем мы сами.
Может, это и так,
но порой — со слезами...

Не простила измены
(нет её злее зла!)
со слезами ушла...
Что права я была —
нет и тени сомнений!

Вот и новый жених:
много девичьих взоров
вслед кидалось за ним,
но лишь мне он покорен,
терпелив, не спесив
и к тому же — красив...

Сваговство в моём доме

вспоминаю, как сон:
в горле жгало всё комом,
а в ушах — будто звон,
будто я и не я
у порога стояла,
будто там не моя
судьба-доля решалась...

«Любишь?» — чинят допрос.
На него я взглянула —
стал противным, как пёс.
«Да», — я тихо кивнула.
«Выйти замуж согласна?» —
Мысль — как ток в проводах:
«Спать с ним? — Это ужасно!».
Но ответила: «Да».

«Что ж я делаю, боже!» —
всё кричало во мне.
Кто поймёт, кто поможет?
А никто: рядом нет
никого — по душе
(и не будет лет десять,
как известно уже).

Выбирала сама
я свой путь, свою долю —
не сходила с ума,
не наплакалась вволю.
Мне на собственной свадьбе
веселиться, гулять бы:
всем ведь вышел жених,
всем был лучше других!

И черёмуха мне
улыбалась в окне
и звенела — вся в белом.
Свою песнь о весне
передать мне хотела...

Вдруг в проёме дверей
баянист показался,
но порог поскорей
перейти не решался,
ни туда, ни сюда...
На лице — ни кровинки...
«Как же мог ты предать?
Вот устроил поминки...»

«На кого же меня
ты тайком впопыхах,
не гнушаясь греха,
с пьяной рожи менял?»

С новой силой обида
в сердце вдруг ожила.
Всё ещё ненавидя,
вновь любить — не могла...

Была свадьба, но я
не своими губами
повторяла упрямо:
«Не моя... не моя...»

Всё хмелело вокруг,
свадьба ширилась пьяно.
Вырос вмиг лес из рук —

зазвенели стаканы,
громом грянуло бойко:
«Горько! Горько!!»

Ох, горько...

А на день на второй
не кормила блинами —
на рассвете домой
прямо из-под венца
убежала я к маме.
К ней уткнулась в ладони,
а она меня гонит
да с родного крыльца!
Я реву, я кричу:
«Замуж я не хочу!..»

Отупела от злости,
от неясной вины...

В доме мужа уж гости,
собрались на блины,
молодых же всё нет...

Это первый концерт.

А второй — я в постели
задавала три дня.
После многих истерик
взял муж силой меня...

Понимала, конечно,

что всё глупо, смешно —
 путь один всё равно,
 не упрямиться ж вечно...

Привыкала и знала:
 буду верной женой.
 Помогал муж немало
 и был ласков со мной.
 Но холодность в крови
 всё равно оставалась,
 и восторга любви
 с мужем так и не знала.
 Десять лет немоты,
 десять лет слепоты.
 Поняла лишь с тобой,
 что такое любовь!
 И сперва — испугалась,
 и сознаться стеснялась,
 что такая «плохая»
 и не скромная я —

я от гордости таю,
 что теперь я — твоя!

Но умчались года
 навсегда в никуда...

Неужели должны мы
 десять лет ожидать
 своей встречи с любимым?

Глава двенадцатая

Пусть разгорится сердце твоё, и
 тело твоё, и душа твоя до меня,
 и до тела до моего, и до виду до
 моего.

(Берестяная грамота 15 века)

12.

Моё детство и юность
 протекали на юге.

Жизнь по сути — борьба,
 наши чувства — как реки,
 по реке — и судьба
 и вся жизнь человека.

Обещал Южный Буг
 мне незлую судьбу,
 как великая милость,
 его воды струились
 без крутых поворотов
 в полусне беззаботно.

В тёплой той стороне

не нашлось места мне —
 тесноват уже мир.
 Не весь свет, что в оконце!
 Искать место под солнцем
 я уехал в Сибирь.
 Будто шкура медвежья,
 распласталась она
 по морским побережьям,
 от светла до темна.

Я бродил за Байкалом
 много зим, много лет,
 во мне мало-помалу
 пробуждался поэт.
 В седых древних пределах
 жизнь до дна познавал,
 и моя голова
 постепенно села...
 Семьи гордиев узел
 мне пришлось разрубить,
 и о горе забыв,
 я решил служить музам.
 На седом Енисее
 вдруг я встретил тебя,
 и твоя тут судьба
 слилась вместе с моею,
 как слилась Ангара
 с Енисеем могучим,
 значит, мчалась не зря
 по порогам падучим
 и не ради забавы
 дом оставила свой —
 им по силе и нраву
 равных нет никого!

Мне запомнился случай,
 как в шахтёнке одной
 самородок могучий
 найден был золотой
 и не в штреке — у входа
 среди честного народа,
 с ним замка там не знали —
 в копру дверь подпирали...
 Он был очень тяжёл,
 и служил хорошо,
 но чудак объявился,
 пнул легонькой ногой,
 колупнул раз-другой —
 самородок открылся...

Я ж не сразу, не вдруг
 среди ярких подруг
 смог, тебя разгадав,
 полюбить навсегда.
 Ты была вся — внутри,
 как сосуд с узким горлом,
 знаки тайные стёрлись,
 не прочтёшь — не смотри,
 был тобой сохранён
 клад, почти позабытый,
 я узнал лишь о нём!

Хоть облаяны, биты,
 пьём за радость побед
 освящённый напиток
 (как святили — секрет!)
 Ведь дано нам немало:
 свечка-феникс горит,
 шампанское в бокалах

Глава пятнадцатая

Девушка у них, когда войдёт в
лета, перестаёт повиноваться
отцу, и сама по желанию своему
выбирает себе кого-либо из муж-
чин для сожития с ним.

(Абу-Али Ахмед бен омар ибн
Даст —

о буртасах, предках мордвы-
мокши)

15.

Над собой столько слёз
мне пролить довелось,
что не верится даже...
Много было причин:
то не взглянешь, смолчишь,
то обидное скажешь...

На концертах ты с нами
выступал со стихами,
декламировал скучно
(писал песни ты лучше).
Но зато я любила

шоколад шевелит.
Наконец, наступил
день, борьбой опалённый,
и вот брак наш законный
ЗАГС печатью скрепил.
Разве это не чудо,
что я — твой, ты — моя?!
Этот день ты и я
никогда не забудем,
как и первую встречу
долгих пять лет назад,
Алые паруса
будут с нами — навечно!
Разве это не чудо —
принять битву в пути,
устоять, победить,
преподав урок людям?!
Это — чудо, родная!
Я — как юноша вновь!
Возрождает, сжигая,
птица Феникс — Любовь!
Пусть не в двадцать, а в сорок,
но с не меньшим задором
я способен любить,
любви нашей служить.
Служить буду — на совесть,
и тебе лишь одной
телом, сердцем, душой —
всем, на что я способен!
Стихи, песни, цветы —
любви нашей созвездье.
Родились под ним вместе:
я и песня, и ты!

всегда слушать тебя,
и сердечко, любя,
тихо сладостно ныло,
когда с губ всё слетали
и слетали слова,
и преграды сметали.
Так порой размечтаюсь —
кругом шла голова.
Но имелась причина
для моих беспокойств
деликатнейших свойств;
и однажды открылась,
вдруг сказав нарочито
безразличнейшим тоном:
«Знаешь, я ведь мордва»,
и поникла смущённо,
моё сердце застыло,
я дышала едва...
Вот сейчас резко встанешь
и презрительно взглянешь
на меня, как на грошь,
и навеки уйдёшь...

Ты ж меня — отругал,
мол, зазорно стыдиться
нам своих матерей,
ими надо гордиться...

И моя вдруг рука
оказалась в твоей.
И поведал ты мне,
что, наверное, редко
встретить можно в стране
такой древности предков,
как у мокши-мордвы,

стойких и боевых...

Мордва знала сарматов,
хазар, половцев, скифов —
родовитых, богатых...
Зыбки судьбы людские,
уже тысячи лет
тех кочевников нет,
а мордва — процветает.
Ну, а главный секрет
свой мордва сохраняет...

На безбрежных просторах
меж Уралом и морем
жило племя лихое,
но, увы! — не мужское,
там воительниц стаи
проносились, как птицы,
после боя устало
плели косы девушки...
Эти женщины были
амазонки-мордва,

и по свету ходила
о них слава-молва...

И опять ты счастливой
сразу сделал меня,
будто, взяв рукой сильной,
подсадил на коня.

Мчись быстрее, конь шальной,
я теперь — в твоей воле!
И ковыльное поле

пусть гудит подо мной!
 Пусть со свистом в ушах
 улюлюкает ветер,
 и слеза на глазах
 пусть слепит знойным спектром —
 безоглядно любя,
 я домчусь до тебя!

Наступил день рожденья.
 Я проснулась в смятеньи
 и спросила у мужа:
 будем, нет отмечать?
 И кого приглашать?
 «Приглашай, кого нужно».

Пригласила подружек
 и решила — тебя!
 Мой восторг — не объять!
 Всё — в мгновение ока
 приготовила я,
 всё — от пола до окон
 улыбалось, блестя,
 всё — подъезд и площадку
 обмела моя тряпка...
 Вот и час наступил,
 большинство — уже в сборе,
 жду тебя с нетерпеньем,
 чиню мужу допрос:
 Пригласил? — Позабыл.
 Мне обидно до слёз,
 поглядела с укором:
 Я хочу, чтоб он был,
 это — мой день рожденья...

И тебя муж привёл.

Извинился ты, мол,
 догадаться не мог
 и не знал, что к чему,
 пришёл к дню моему
 без цветов, без подарка...

Чуть побыл для порядка,
 пил, сидел втихомолку,
 слушал, как «Перепёлку»
 пела я — для тебя,
 прядь свисала со лба,
 повздыхал потихоньку
 и ушёл в мглу и серость.
 Без тебя мне не пелось...
 Принялись все опять
 о тебе рассуждать,
 что живёшь ты с хозяйкой,
 словно муж и жена,
 хоть она и судья,
 а жирна, как свинья,
 полон золота рот,
 нагло взятки берёт...

Что узнать довелось,
 было горько до слёз,
 в горьких мыслях полночи,
 не могла я забыть:
 «Неужели он хочет
 на той бабе жениться?»
 И себя убеждала:
 он не может так вдруг...

Всё сильнее одеяло
 налегало на грудь...

На второй день с коробкой
 ты явился ко мне,
 принял её робко,
 «Что же может быть в ней?»

Извинясь, ты ушёл,
 я коробку — на стол,
 сорвала враз тесёмку,
 предо мной почти сразу
 статуэтки предстали —
 «Баянист и Певица».
 Я смутилась вначале,
 даже стало неловко:
 «Мог бы и разориться
 на хрустальную вазу...»
 На них долго глядела
 сбоку, сверху и снизу
 и решила несмело,
 место им — телевизор...

Через день или два
 я увидела вас:
 ты — в берете, в кожанке,
 на ней — тоже берет,
 на ней — тоже кожанка,
 на толстых ножищах —
 сороковки-туфлища,
 и грудаста, здорова —
 баба — хуже коровы,

гадко было смотреть,
 как мелькали рейтузы
 из-под юбочки узкой...

На меня взгляд метнула
 и скривилась она,
 я стояла одна —
 как в грязи потонула...
 Ненависть, а не ревность
 разрывала меня!
 Знаешь, что предпринять
 в ту минуту хотелось?
 И её, и тебя
 пострелять, как собак.

Не последовал выстрел —
 успокоилась быстро.

И в злорадстве — отрада:
 «Надо так... Так и надо!»

Но никак не пойму,
 что же в ней он нашёл?
 Всё же... как он дешёв!
 Так и надо ему!
 Прихожу я домой,
 статуэтки — долой!

По квартире не раз
 деловито прошлась,
 в уме мало-помалу
 смелый план набросала...
 Замену я сперва
 этот старый сервант,

куплю стенку я также
и хрустальную вазу,
и неплохо б — торшер...
И оттаяло сразу
у меня на душе;
как не знала я раньше,
что домашний уют
осчастливит семью...
Нынче ж праздничный торт —
своей фирмы пирог —
схлопочу за часок,
посидим вместе с мужем,
вместе с сыном — троём,
песню трио споём,
и никто нам не нужен!

Ох, и сука я, сука,
чёрт попутал меня,
с кем могла я равнять
золотого супруга:
и высок, и хорош,
и не пьёт, и не курит,
и верней не найдёшь
(для такой ещё дуры!)
Я ж во всём виновата,
а с любовью проклятой
развяжусь, и опять я
начну тихую жизнь...
Вот и все собрались,
сразу муж — к пирогу.
«Правда, вкусен?» — «Угу.»
К пирогу я на стол

перед мужем и — план,
гениальный почти.
Он вдруг взвёлся: «Постой!
Или я, паря, пьян,
или объелася ты!
Для чего? Для кого?
Деньги некуда деть?!»
— «Для тебя самого!
Чем мы хуже людей?»
— «Люди, дура, — глупы,
лишь пускают всем пыль.
Небольшой мы народ,
нам не нужен хрусталь,
был бы жир на устах
(ложка рот не дерёт).

Песни трио не пели —
пирог молча доели...

Через месяца два
был и новый сервант,
и хрустальным огнём
ваза искрилась в нём.
Долго я любовалась,
всё ж грустинка была,
говорить если честно.
Так чего ж не хватало?

Статуэтки нашла,
положила на место.

Глава двадцатая

«Человек не птица, крылья не
имать. Аще же представит себе
аки крылья деревянны противу
естества творит то не божье дело,
а от нечистой силы. За сие со-
дружество с нечистою силою от-
рубить выдумщику голову, тело
окаянного пса смердящего
бросить свиньям на съедение.
А выдумку, аки диавольской
помощью снаряженною... огнем
сжечь» (Иван Грозный)

«Пусть 90% русского народа
будет уничтожено,
лишь бы 10% дожили до мировой
революции, которые
будут жить так, как мы им при-
кажем»

(Ленин)

20.

Так бывает порой
человеку тревожно,
что почти невозможно
в стенах сладить с собой,
и тогда он стремится
воскрылиться, как птица...

Древних предков ли зов
в путь его поднимает?
У меня так бывает
часто перед грозой.
Пути дальние с детства
полюбил навсегда,
был бродяжничий дар
мне оставлен в наследство.

Больше года прошло,
как приехал в село,
знаменитое ныне,
и конечно законным
был вояж на Неву,
чтоб познать мир огромный
не из книг — наяву.
В бывший Санкт-Петербург
в глубь времён был мой путь.
Город новых традиций,
город громких имён,
никому не забыть, я,
что испытывал он.
Отплывая всё дальше
в глубь времён, видел я —

шёл в блокадных боях
второй год войны страшной:
в сутки тысяч по десять
умирало зимой,
но с врагом вели бой
и не сдвинулись с места!

И тверды не гранитом —
тверды скорбью земной
пискарёвские плиты
с цифрой «сорок второй».
Не найти испытаний,
столь же скорбных, печальных...

Путь всё дальше в былое,
что увижу, не скрою.
Город, славный из славных,
как ты был обезглавлен?
Киров подло убит,
уничтожен обком...
Почему шопотком
всяк о том говорит?

Не вернулось со съезда
рокового тогда,
испарясь без следа,
большинство, кроме тех,
кто расправу творил,
кто взял на душу грех.
Из всей тысячи той
не пустых, не остывших
тридцать два только места
оставалось всего. Так под чьими

задами
сохранились места?
(Уцелеть им недаром
удалось, неспроста!)
Сколько их, казнь творивших,
было там, обагривших
свои руки в крови?
Кто-нибудь, назови
волчьи их имена.
Им зачтётся вина.

Сотни лет Петербург
утверждал свое имя,
не страшась грозных бурь,
шёл путями своими.
При Петре — была крепость,
а потом — и тюрьма,
ум и совесть России
в ней надёжно хранились;
как царям всем хотелось
ум под зад свой поднять...

Под романовским гнётом
с крепостною уздой
русич в вечных заботах,
в непосильных работах
жребий нёс роковой.
Таким образом долго
вёл селекцию царь,
выживали в дворцах
лишь коварство и подлость
да немая покорность,

да бесстыжая лесть...

Царь трудился не зря,
в крови нашей бесспорно
до сих пор что-то есть
от раба, от царя.
А главное того,
что в элитной среде
до недавних времён
лишь четыре процента
было русских всего.
Не найти прецедента,
чтоб великий народ
среди прочих людей
где-нибудь на планете
имел чуждых господ,
вечно был устранён
от решения проблем,
судьбоносных дилемм.
Потому-то господским
был не русский язык,
как когда-то — французский,
и как ныне — английский;
не мог русский мужик
быть хозяином в русской
уникальной стране,
с миром жить наравне
и не знать понуканий,
поучений, насмешек;
их он слышал веками,
слышит их и поныне,
будто он — вечный грешник.

Да, красив несомненно
гордый город Петра,
но как раньше Евгений
посмел статуе вызов
в возмущеньи послать,
я готов повторять
то же снова и снова,
но не из-за каприза —
Петр — виновник утрат
нашей русскости древней,
он свой город суровый
заложил здесь не зря —
чтоб на русской земле
насаждать всё чужое,
для Руси от царя
нет деянья подлей.

Чем сам город теперь
виноват предо мной?
Нёс он столько потерь,
что не веришь порой.

Я бродил по проспектам,
по музеям-дворцам,
вдохновенно воспетым
и опять без конца
воспеваемым кем-то.
Хотя мне — наказание
от толпы, от машин,
должен был помотаться
в круговерти торговли,
ценами ужасаться

в бутиковой тиши,
 чтоб сдержатъ обещанье
 и французские туфли
 помоднее достать.
 Ну, а главной заботой
 было встретить кого-то,
 чтоб побольше узнать,
 по ночам полистать
 книг, журналов страницы.
 Мудрено ли забыться —
 чуть глаза призакроешь,
 и встают пред тобою
 всем знакомые лица.
 Тени ль гениев пали,
 прочертив резко путь,
 мы идём их стопами,
 не пытаясь свернуть...
 Вот свою Натали
 кто-то вновь ублажает,
 та ж на бал вновь пылит,
 на балу и рожает.
 Кто-то вновь Натали
 всё пышней наряжает,
 а её то и дело
 кобели окружают.
 И вот лавой вскипает
 в сердце буйная кровь —
 выгорает любовь,
 стынет брэнное тело...
 Снова кто-то Марию,
 (богом данные крылья!)
 ради денег, чинов
 от себя отрывает

и в огонь их бросает
 (сквозь толпу лезть мешают!)
 Без любовных оков
 свою цель достигает
 и на пепле, подлец,
 пышный строит дворец...

Человечья крылатость
 проржавела от лжи,
 зудят в уши ханжи,
 в том цари виноваты.
 Ими сгублено было
 много русских затей.
 Ещё помнят, как встарь
 смерд Никитка взлетел
 на содеянных крыльях.
 Христианский наш царь
 Иван Грозный со свитой
 зрил на смерда Никиту,
 и когда, приземлившись,
 тот на ноги смог встать,
 царь Иван разозлился:
 «Нам летать не годится,
 человек бо — не птица,
 крыл ему не имать.
 Сию дьявольску штуку
 сжечь огнём, а Никитку
 аки пса обезглавить,
 бросить свиньям в корыто
 и следов не оставить —
 буде смердам наука!»
 От царя куда деться?

(То же деется ныне.)
 И никиткино сердце
 жадно счавкали свиньи...

Нет случайностей в мире
 ни во зле, ни в добре,
 коль народ от кумиров
 отказался своих —
 получает чужих
 и богов, и царей!

Всё ж судить не могу,
 обвиняя славян,
 не способных хранить
 честь и веру свою,
 не сумевших в бою
 предпочесть умереть,
 но не сдаться врагу.
 Осуждать предков всех
 в малодушии — грех.
 Пришли к церкви славяне
 не по воле своей,
 ведь из них перебита
 была лучшая треть,
 но сие злодеянье
 почти всеми забыто.
 Мир славянский простил,
 как Владимир крестил
 непокорную Русь,
 как сжигал он волхвов
 и писания их,
 как крушил он богов
 вместе с храмами их,

на кострах, на костях
 насаждая Христа.

Так на русской земле
 вместо солнечных свастик
 в схоластической мгле
 зачернели кресты,
 так палач всей Руси
 стал славянским святым.

Разумеется, в святцы
 палачей имена
 заносились не тотчас,
 но за тысячу лет
 и злодейств, и геройств
 затеряется след:
 кто-то что-то припишет,
 перепишет не так,
 кто-то истину скроет,
 кто-то нагло соврёт,
 и глядишь, превратятся
 в черноту — белизна,
 в благодетеля — враг,
 станет русским — варяг,
 церковь станет — святою,
 а романовский род
 станет русской судьбою.
 Через церковь напасть
 от кобыльего рода
 душегубов порода
 навалилась на нас.
 Алексея царя,
 хоть он звался Тишайшим,

забывать не резон,
ведь «прославил» свой род
крепостничеством он.
Стенька Разин не зря
смог поднять весь народ
против подлых господ.
Пётр пошёл весь в отца,
хоть тишайшим и не был,
из мальчика-удальца
реформатором стал,
но радел не о хлебе,
чтоб голодных кормить,
он в Европу окно,
напрягаясь, рубил
и дворцы заодно
на костях возводил.
В разорительных войнах,
в подавляемых бунтах
царь четвёртую часть
населенья сгубил.
Не за это ль Петра
величают Великим?
Иль за то, что он с шиком
обеспечил в России
лож масонских засилье?
Катерининский век
«Просвещённым» прозвали,
оттого ли, что блуд
стал всеобщим в стране?
Ведь и правда при ней
блядства не было горше,
оттого гнёт монарший
тяжелей был вдвойне.

В блядоблудстве Великом
императрица-немка
просвещённой слыла,
и в толпе многоликой
ухажёров-мужчин
ненасытной была.
Путь во власть и к богатству
был один — через блядство.
И опять на Руси
взбунтовался народ,
терпеть не было сил
непотребство и гнёт.

Бунт — цена «просвещенья»,
Бунтари — отраженье
самодурства господ.
Стенька Разин, Булавин,
Емельян Пугачёв
приходили не зря,
не случайно, не вдруг,
каждый шёл на царя,
не жалел ни о чём
и не думал о славе.
На Руси бунтарей
было больше царей.
Не скажу, что впервые
я в поездке узнал
имена роковые.
Но чуть ракурс сменился,
новый смысл вдруг открылся,
час сомнений настал.
Когда ночью не спится
одиоко в тиши,

всех царей вереница
предо мной мельтешит,
все — нерусские лица,
все — нерусской души.
И совсем не боюсь я,
что открою секрет —
больше тысячи лет
чужаки правят Русью.

Как унять грусть свою?
Хоть во сне бы забыться,
встретить там Гамаюн,
вездесущую птицу,
лишь она только сможет
правду всю рассказать
об истории русской,
о Словене и Русе,
города основавших
тысяч пять лет назад
и державу создавших
от седого Поморья
вплоть до устья Оби
и до Чёрного моря.
Разве можно забыть,
что держава славян
была первой в Европе,
что славяне смогли
и межи сохранить
своей отчей земли,
и в далёких походах
среди множества стран
среди многих народов

свою власть утвердить,
а с ней — знания, опыт
и письмо, и ремёсла.
Русы тысячи лет
просвещали весь свет.
Слава русичей — костью
в еврозападном горле,
в нём — дыхание спёрло
от досады и злости.
Лишь за чтение «Сказанья
о Словене и Русе»
«благодетели» русских
из кобыльего рода
и кололи глаза им,
и язык вырезали!

Больше тысячи лет
идёт травля славян,
стал изгоем в России
кровнорусский Иван.

Сколько ж можно терпеть
царский гнёт вековой,
свой позор роковой;
сколько можно бояться
наказаний Христа?
Час давно уж настал
захотеть и посметь
с чуждым богом расстаться
и вернуться к родным
древнерусским богам,
к родокровным вождям,
верным быть им одним,

им одним поклоняться!

Есть немало религий,
но один лишь ведизм
означал житезнанье.
По «Велесовой книге»
становление славян
продолжалось «две тьмы»¹.
Был у всех северян,
проживающих жизнь
среди долгой зимы,
свой особенный шик,
склад ума, строй души;
поклонялись яро
Солнцу, Небу, Огню,
Зорям, каждому Дню,
оттого-то славяне
слыли как огнищане,
и была изначальной
у них связь с Заполярьем,
где был истинный Рай;
и отнюдь не случайно
у народов всех стран
сохранились навеки
знанья северных тайн:
как молочные реки
безмятежно струились
в берегах-киселях,
и как дети резвились
во дворцах-хрустальных,
и как Солнце вставало

лишь раз в год, а не — в сутки
(у людей год по сути
равен дню у богов).
В Заполярье немало
было прочих чудес:
Алатырь — гора-камень,
с водой чистой криница,
чудо-яблони, груши,
мощный Дуб — до небес,
по которому в Вырий,
то есть в истинный Рай,
с земли можно подняться
и богам всем и душам.
Охраняли веками
Райский Сад чудо-птицы:
Алконост, Финист, Сирин.
Этот сказочный край
Беловодием звался,
всем он вечным казался,
но однажды для Рая
приключилась беда...
Надо ж было случится —
с метеором столкнувшись,
вся Земля содрогнулась,
и волною накрывшись,
жизнь на ней захлебнулась.
Навсегда Райский Сад
поглотила вода,
всё сильней холодало,
льдом все воды сковало,
не вернуть Рай назад.
И славяне, страдая
от морозов и вьюг,

¹ «Две тьмы» — 20 тысяч лет

потянулись на юг
косяком птичьей стаи.
Крит смогли обустроить
и великую Троию,
и богов грекам дали,
и гексаметров строй.
Куда только порой
их судьба не кидала,
где б они ни бывали,
куда б только ни шли,
о потерянном Рае,
о родном, отчем крае
грусть унять не могли.
На чужой стороне
в песнях грусть изливали,
струны душ задевали
и страдали вдвойне.
В чужедальнем краю
разделить горе не с кем,
может лишь Гамаюн,
вездесущая птица,
в чутких снах появиться,
весть пробаять свою
о великом народе,
о святом Беловодье,
тайне отчей земли,
где молочные реки
безмятежно текли
в берегах-киселях,
и где пращурь жили
во дворцах-хрустальных
и Дажьдбогу молились.

А еще Гамаюн
напеть песни могла
о героических делах
воев-русичей ярых,
прославлявших в бою
свой народ в должной мере,
о пророках-волхвах,
сохранивших недаром
древнерусскую веру.
Самый славный герой —
Александр Македонский,
самый славный пророк —
мудрый Бус Белояр...
Было всё у славян:
и свой Рай, и держава,
и всемирная слава,
песни, эпос героический,
власть волхвов и бояр,
и свой Праведный путь;
кто ж о том ведать мог,
что придётся славянам
с Пути Прави свернуть,
что у них чуждый бог
Вседержителем станет,
что в России самой
кровнорусский Иван
не хозяин — изгой.
Больше тысячи лет
чужаки правят Русью,
принося много бед.
Разве может быть строй
и порядок такой

не кровавым, не гнусным,
не слугой сатаны?
Не запомнить всех бед,
не измерить их чем-то.
Сколько ж можно терпеть?
При крещении — треть
уничтожено русских,
при Петре — одна четверть
населенья страны.
План масонский стал круче,
его Ленин озвучил:
«К девяноста процентов
геноцид довести».
О таком прецеденте
всем известно давно —
с открыванья Америк.
Там индейцев сгубив,
овладели страной
с минимальной потерей.
Нет людей — нет проблем,
это ведомо всем.

Если в первое время
своего становленья
Петербург слыл окном
из России в Европу.
(Высший свет стал завзято
сквозь оконце глядеть,
по-французски гундеть.)
То уж в веке двадцатом
стал двором проходным
из Европы в Россию,

куда ринулся скопом
сброд еврейских кровей:
социал-сионисты
и сионо-бундисты —
одним словом, бомбисты,
палачи всех мастей,
возжелавшие кровью
всю Россию залить,
только так подчинить
можно русичей снова.
Вот — и новый Владимир
со словами благими,
и картавинка вновь,
снова — пламя и кровь.
Большевицкая каста,
разделивши народ
на своих, то бишь красных,
и на белых господ,
чтоб дорваться до власти,
лбами стравливать стала
во вселенской грызне
и в резне небывалой
всех «хороших» с «плохими»
в общей отчей стране,
жаром войн опалённой.
И опять все славяне
слепо, словно бараны,
в скотобойне сошлись,
вновь — на смерть, не на жизнь,

Пятьдесят миллионов
стали жертвой картавых,

не за честь, не за славу,
не за цельность земли —
за масонскую власть
в свою землю легли.

Хоть от партии бог
мою честь уберёт,
хоть расстался уже
с комсомолом давно,
но марксизм — как идея
коммунизма — в душе
всё ещё был в законе.
Каково же узнать,
что марксизм-ленинизм —
лишь масонства синоним?!
Тут и впрямь — не до сна
от вранья иудеев,
своей былой оптимизм
сохранить мудрено...

Заглянуть во вчера,
в позапрошлые годы —
не пустая игра,
получается вроде
намеренья пройти
через минное поле,
под угрозой — вся жизнь,
захандришь поневоле.
От сомнений и дум,
невзначай на беду
захлестнувших меня,

становилось в душе
горше день ото дня.

Продолжался семь дней
мой вояж вглубь времён,
показался же мне
почти вечностью он.
Каждый хлопотный час
посчитать можно за три;
память искренних встреч,
аргументы и факты
сохранить можно как-то...
Как себя уберечь?
Как сегодня идти
мне из прошлого в завтра?
В голове и в ногах,
и во всём бренном теле
всё уныло гудело
хуже, чем в проводах.
На обратном пути
надо б выпить немного,
ресторан приютил
на железной дороге.
Приземлился надолго
я, не чувствуя ног,
с них способен был только
отряхнуть прах дорог..

Глава двадцать первая

Бояться горя — счастья не
видать.

21.

Как мне грустно порою
вспоминать о былом:
в душу грусть намело
не сдуваемым слоём...

Неспособен мужчина
видеть женщину так,
чтобы мог навсегда
жить с ней жизнью единой.

Когда звал ты меня
в час заветный прийти,
мог ли чувствовать ты
то же, так же, как я?!
Когда я, не дыша,
перед дверью стояла,

постучаться страхась,
вряд ли помнил в тот час
под чужим одеялом,
что меня приглашал...

Но спасибо хотя бы
от души — и за то,
что ни разу меня
ни тогда, ни потом,
среди ночи, средь дня
не унизил за слабость.
В сердце не было зла,
оттого не могла

от тебя отвязаться,
ты же мог разобратись б
при желаньи и раньше
в отношениях наших.

Ко всему — тебе дело:
к судьбам стран, городов,
ради них ты готов
на рожон идти смело,
но моя лишь судьба
не смущала тебя.

Говорил о поездке,
не жалел умных слов,
в том рассказе лишь места
для меня не нашлось.

А кто может горою
за тебя постоять,
кто от зноя укроет,
кто согреет зимою,
твой царь Пётр или я?!

(Гёте)

Уезжал ты, и грустно
я смотрела вослед,
без тебя сразу пусто
стало в нашем селе.
Вскоре я захандрила
не на шутку — всерьёз,
сердце ныло до слёз,
даже тело всё ныло.
Я — к врачу одному,
на другой день — к другому,
но плечом лишь пожмут,
мол, кому не знакомо
то, о чём ты грустишь,
пред людьми хоть престиж
соблюдала б умело...
И покой мой и сон —
куда это всё делось,
объяснить не умела,
что конкретно болит,
пока не — пожелтела...

Поняла сама всё:
у меня — гепатит...
Онемела от горя:
украдёт он бесспорно
целый месяц почти,
страшно даже поверить —
через месяц — концерт
юбилейный, премьера —
наша общая цель!
Ради пьесы и песен

не жалела я сна,
мне недаром дана
роль заглавная в пьесе.
Как Саяну хотелось
мне в премьерке сыграть!
(Героинею стать
в твоей жизни сумела б!)
Этим я и жила,
но беда вдруг пришла,
как со мною заразной
иметь дело теперь?
Нет досадней потерь,
столько бед и все сразу!
Что же делать? Как быть?
К лаборантке являюсь,
чтобы сделать анализ:
кровь на билирубин.
Хоть умом понимаю
болезнь Боткина есть,
налицо — синдром весь,
но надежд не теряю,
дать желтушность порой
могут камни, застой...
Лаборантка-подруга
со слезами в глазах,
ничего не сказав,
берёт тихо под руку,
усадив пред собой
говорит: Есть помада?
— А зачем тебе? — Надо!
Достаю свой набор,

и она самой яркой
красит губы мои...

Так себя стало жалко —
побежали ручьи...

Но не сразу в больницу,
не в тот день я легла —
надо с сыном проститься,
кончить бабьи дела,
чтоб мои от белья
не смогли заразиться,
и чтоб смена была,
постирала всё с хлором,
к концу дня не могла
я уже шевелиться....

Побежал муж за «Скорой»,
врач дежурная мне
прочитала мораль,
что болезнь запустила,
сама помня едва ль,
ведь я именно к ней
на приём приходила!

Проводили в палату,
пришлось долго просить
персонал, чтоб халат мне
свой покамест носить...
Потолок и кровать,
и четыре стены...
Здесь и ночи, и дни
суждено коротать.

На оконном стекле
от мороза — узоры,
словно тканью кремплен
образованы шторы —
нету прока от стёкол:
сквозь промёрзшие окна
не проходят лучи...
Хоть кричи, хоть молчи
уж не выйти до срока.
Целый месяц быть здесь,
вне семьи, вне работы,
вне любви, вне свободы —
отняла всё болезнь.

Совершенно одна
в молумгле я лежала,
без движений, без сна,
без желаний, без жалоб.
Мне казалось, мешали
руки, ноги — всё тело,
никого не хотелось
мне ни видеть, ни знать;
повелось на веку —
до своих — нету дела,
для меня пожалели
ввести сыворотку
(была только в НЗ),
я же крови немало
не жалела — сдавала
для больных, для друзей
(и заразу поймала!)

У врачей у знакомых
долежалась до комы,
лишь медсёстрам-подружкам
и обязана многим,
они начали дружно
трубить всюду тревогу,
спохватилось начальство,
всполошилось, сбежалось —
появились лекарства
и забота, и жалость...

Светлым днём, тёмной ночью
сколько капельниц я
переделала срочных! —
пришла участь моя,
внутривенно три дня
мне лекарства вливали,
а иначе б едва ли
можно было меня
у болезни отнять...

Ты вернулся с поездки —
не показывал глаз,
я ждала-заждалась.
Заглянуть недосуг,
видно, было тебе,
в довершение бед
состояние вдруг
вновь ухудшилось резко...

Может, песня уж спета?

Мне потом рассказали,
когда утром сестра

доложила об этом
на планёрке, то в зале
тишина вдруг настала,

любопытство и страх
потом всех всколыхнули,
на тебя все взглянули,
низко голову ты,
опустив, покраснел,
ведь меня навестить
до сих пор не сумел...

И ещё всю неделю
не могла я дожждаться;
на тебя обижаться
я конечно не смела,
но ждала ночью, днём...
Если б знал, как мне нужно
было слово твоё —
словно щит и оружие!
И настал этот час —
я тебя дождалась.
Помню всё, как теперь,
открывается дверь,
ты заходишь в палату
в белой шапке, в халате
и с улыбкой ко мне
ты идёшь, как во сне,
берёшь руки, волнуясь,
жмёшь и нежно целуешь...
Боясь жалкой казаться,
что мне делать тогда,
я не знала: рыдать,
обижаться, смеяться...

Ты ж спешил оправдаться.
Я не слышала слов,
на тебя всё глядела,
будто видела вновь,
всё запомнить хотела:
каждой чёрточки росчерк,
жеста каждого путь,
взглядов всех многогочье —
всё запомнится пусть!
Оглянувшись на двери,
ты с улыбкой сказал:
«Очень жаль, что нельзя
твои туфли примерить, —
приподнялся со стула
и мою ножку взял, —
что ж, французские туфли
этим ножкам — как раз!
Только будешь здорова,
их наденешь тотчас
и на сцену ты снова
выйдешь в лучшей обнове!
Туфли — блеск, не обман,
одним словом — шарман!»

Вкратце мне рассказал,
как ты пьесу спасал,
сколько раз ездил в город,
как привёз режиссёра,
нынче всем уже ясно,
пьеса сделана классно,
не по штампу, свежо:
музыкальная пьеса,
в ней участвует хор,

танцевальный кружок...
Шутки, танцы и песни
и большой разговор
о народной борьбе
и трагичной судьбе...
Под конец нашей встречи
ты уж в роли врача
слушал, пальцем стучал
и пальпировал печень.
Так теплы и нежны
твои руки казались,
будто сроду они
труда вовсе не знали.
Мне подумалось вдруг,
значит, сам не стирает —
и тепло нежных рук
вызывает испуг:
«Он хозяйку ласкает»...

Ты сказал, уходя,
вновь придёшь уже на дом,
и добавил, шутя,
материть печень надо,
чтоб она не ленилась
и скорей сократилась,
знаешь, как материться?
Говорил, не спеши
выходить из больницы,
пока держат, лежи,
и весьма не мешало б
с этой целью на случай
напридумывать жалоб,

чем побольше, тем лучше,
тут не важно лечение,
болезнь очень коварна,
вся беда — в осложнениях,
если выпишут рано...
Лишь пришёл и меня
взбудоражить сумел ты,
выдать кучу советов,
настроенье поднять...
Ты ушёл и меня
уж ничто не томило,
и болезнь проходила
по часам — не по дням.

На вопрос же, что вечно
задавали мне: «Был?»
Теперь гордо отвечу:
«Он мне туфли купил!»

Быстро я поправлялась,
встать спешила уже,
и обида в душе
со мной вместе вставала:
«Там ему — хорошо,
до меня — нету дела,
один раз лишь пришёл...
Если бы заболел он —
каждый день я сумела б».

И премьеры уж скоро,
а я тут залежалась,

сдам последний анализ —
не удержат запоры.
Дома, как говорят,
помогают и стены,
трачу время лишь зря
я в больничной постели.

Смастерила причёску
и накрутилась ярко,
с таким видом не жалко
и — на доску Почёта.
Вдруг поблизости где-то
слышу шум от машины,
почему-то решила,
что за мной едут это,
и в приёмный покой
я крадусь коридором,
вижу вдруг — предо мной
две подружки из хора.
Замахали руками,
на ловца, мол, и зверь,
всё в порядке теперь,
мол, поедешь ты с нами.
Но ушам я не верю:
— Куда ехать? — К друзьям,
ведь сегодня — премьеры!
— Не оформилась я,
да и ехать смогу ли...

Но с торжественной речью
мне французские туфли
преподносят в коробке,

дают ворох белья,
с деловитой сноровкой —
полубубок на плечи...
(Реквизит весь артистов
привезли они мне!)
Я стою, как во сне:
туфли — блеск, не обман,
одним словом — шарман!

— Одевайся же, быстро!
— А, была не была! —
я сказала беспечно
и обулась, оделась,
и смеясь, полетела
приключенью навстречу.

Как ни силилась я
на ногах устоять,
как в душе ни храбрилась,
голова закружилась...
Подоспели подруги,
подхватили под руки
и в машину вложили...

В Дом Культуры пришлось
дефилировать гордо
мне с почётным эскортом,
стало быть, рановато
свой оставила пост
я в больничной палате.
И зачем я решилась
в Дом Культуры прийти?

Ведь не будет зарплаты,
если врач не простит
нарушенья режима...

Как давно, мне казалось,
в этих стенах была.
Всё блестело, сияло,
всё звенело вокруг,
ещё миг — я попала
в окруженье подруг,
в дорогих новых платьях
даже трудно узнать их.

Обступили меня,
обнимают, жалеют,
слёз не в силах унять,
я реву всё сильнее,
на мой рёв подошли
баянист и хормейстер,
еле-еле все вместе
успокоить смогли.
Потом ты появился,
руку сжал мне чуть-чуть
и сказал, что врачу
ты уже объяснил всё,
так что здесь ты легально,
что идёт всё нормально,
хоть сегодня в премьере
и не будешь ты петь,
сможешь хоть посмотреть,
всё же меньше потеря...

Вся комиссия — в сборе,
всё начальство пришло,
зал шумит, словно море...

Каков будет улов?
Как хористы раскинут
песни-сети свои?
Как артисты поднимут,
не уронят ли их?
Смогут, нет — до конца
дотянуть свои сети?
И забьются ль сердца
в них уловом заветным?

И вот началась пьеса
грустной искренней песней,
как туман по реке
расстился густой...
У меня не в одной
застучало в виске.
О себе забывали,
когда в жизнь мы вживались,
здесь кипевшую раньше
целых сто лет назад,
обо всем ты без фальши
в пьесе смог рассказать.
Когда в цепи событий
заплелись в узел нити,
песню-плач хор запел,
и никто не сумел
устоять перед горем...

Зал дышал, словно море,
и вздыхал без конца...
Трепетали упорно
в сетях-песнях сердца...

Шумно, бурно встречал зал
всех, кто создал спектакль...
Ты на сцену поднялся
бледный весь неспроста:
гамму авторских мук
испытать пришлось вдруг —
от накладок в картинах,
в мизансценах и фразах,
ведь от драмы да фарса
путь не так уж и длинен.
В тот восторженный вечер
всё во мне повернулось
новой гранью к тебе —
ведь тогда прикоснулась
я к великой судьбе,
в ней осталась навечно.
Знала я лишь одно,
что любить тебя больше
и верней всё равно
никто в жизни не сможет.
Я смотрела из зала
на тебя, мой родной,
без конца повторяла:
«Будет мой! Будет мой!»

Глава двадцать седьмая

Нам сказали: «Нельзя»,
но мы всё же вошли.

(Рерих)

27.

Сколько раз собиралась
я к тебе перейти:
всё бельё постираю,
переглажу, сложу —
всё готово почти,
вдруг головка у сына
разболится, и я
с ним, конечно, сажу...
Кто бы ведал, как сильно
не стихая, болела
голова и моя?
Как я выжить сумела?
Муж, казалось, готов
примириться с судьбою,
не ругался со мною,

не корил ни за что,
даже нрав смягчил своей
и пытался ласкать,
хоть почти допускал
мой уход от него.
Обсудили с ним даже,
что и как нам делить...
Вдруг повестка пришла
в Женсовет, чтобы наше
дело личное кто-то
смаковал, ворошил,
всех послать надо б к чёрту —
ты меня убедил
приготовиться к бою,
и пока шла грызня,
одна мысль у меня
не сходила с ума,
не давая покоя:
вдруг отступишься ты,
как я выйду сама
без тебя с поля боя?
Сожжены все мосты,
перекрыты пути,
что случится со мною?
С честью ты устоял,
поняла тогда я:
жить смогу лишь с тобою.
Было жалким, презренным
положение мужа.
Что мог выдумать хуже —
в женсовет обращаться?!
Чтобы, значит, жену

ему кто-то вернул,
сидеть чинно, смиренно,
слушать, как измываться
станет всяк надо мной,
в белье грязном копать...

С женсовета, конечно,
в его дом не пошла,
уходя — и навечно! —
я сказала ему:
«Ты мне больше не муж,
стыдно мне, что была
я твоею женой».
Лишь успела порог
твой тогда перейти,
разревелась — и ты
ничего уж не мог
предпринять, чтоб меня
хоть немного унять,
и меня не корил ты,

а подставил мне грудь
ты свою, на которой
могла бы выплакать горе...
Наревевшись досыта,
я сумела уснуть...

Это горе — ещё
лишь цветочки, не зло,
скоро время пришло
и до ягод — в подарок...
Сделан верный расчёт —

чтобы крепче ударить.

Я без тени сомненья
в суд сдала заявленье,
чтоб оформить развод,
но ему вдруг сумели
дать иной оборот.
В целях большей огласки
Дом Культуры района
вдруг стал местом суда —
мне «концерт» преподать
решено для острастки;
на той сцене просторной,
где обычно я пела
и нередко на «бис»
появлялась повторно.
Это — первый сюрприз,
и второй ожидать
себя долго не дал —
вдруг мой сын появился.
Испугалась невольно:
«Почему ты не в школе?
Как ты здесь очутился?
Почему? Для чего?»
«Меня папка привёл...»
«Иди в школу сейчас же!»
«А что папка мне скажет?»
Подошёл и отец,
я ему: «Ты — подлец,
женсоветов тебе
ещё мало, ребёнка
в эту грязь ты вовлёл?!»

«Принесла столько бед
ты нам с этим подонком,
на всю жизнь пусть урок
суд тебе преподаст!»
Осенило меня:
«Хотят сына отнять» —
и я враз обомлела,
и обмякло всё тело...
«Только бы не упасть» —
про себя я твержу
и в упор, не мигая,
я на мужа гляжу...
Взгляд не выдержал мой,
сник, прошёл стороной...

Собралась, как могла,
приняла валерьяну,
как ни шли бы дела,
унижаться не стану.
Я не знаю, как мать
поступила б другая,
что могла предпринять,
чтоб ребёнка вернуть...
Можно ведь — разорвать,
коль обоим тянуть...

А народ валит валом
на концерт небывалый.

Зря я, видно, пришла,
чую всею душой —
это суд — надо мной...

А в ушах всё стоят
слова сына сквозь слёзы:
«Для чего, для чего ты меня
сюда силой привёл?»
И шипенье с угрозой:
(тоже врезалось сходу)
«Сказал надо — и всё тут,
скажешь, как повелят!»

Суд идёт — прошу встать!

Я очнулась, я встала,
и опять, и опять
те глаза повстречала,
полоснувшие сталью...

Судья строго одета
в тонкий чёрный костюм,
на судейский сев стул,
хищно зал оглядела...
Нет кожанки, берета —
нет в помине той бабы,
и я вновь перед нею
отчего-то робею,
себя чувствую слабой,
некрасивой и жалкой.
Но чем больше она
говорила, тем больше
становилась всё той же
жирной бабой в кожанке.

Я хотела узнать,
кто затеял спектакль
при честном всём народе,
дело ведь — о разводе?
Это — личное дело!

Объяснили мне так:
«Может суд заседать
и по месту работы
обратившихся в суд...»
Причин нет для отвода,
да и в этом ли суть,
поскорее хотя бы
отряхнуться от срама,
пусть творят, что хотят...
Ходатайств не имела,
а у мужа — охапка
и дипломов, и грамот,
разных характеристик,
и хотя меня смело
назвать можно артисткой
(не всю жизнь ли я пела?!)
но как муж мой — сыграть
всё равно б не сумела...

Вновь вопрос: «Вот Вы мать,
что заставило Вас
бросить сына и мужа,
разве сын Вам не нужен?»
«Сына я должна взять».

«Если суд вам позволит.
Сам он скажет сейчас,
с кем быть лучше ему.»

И выводят сыночка —
сердце сжалось от боли...
Говорить он не хочет,
всё косит на меня
и не может понять,
для чего, почему
все — и тётки, и дяди
вдруг пристали к нему
с лихорадочным жаром,
что им собственно надо?

А вопросы — как осы,
а вопросы — как град:
звала ль мама тебя?
день рожденья справляют?
кто тебе приподносит
в день рожденья подарок?
а гостей приглашают?
а пускают ребят
в дом с тобой поиграть?
а кто книги читает?
кто дневник проверяет?
кто обеды готовит
и бельё кто стирает?
часто, нет ли обновы
тебе мама справляет?
хочешь, нет ли отца

бросить так же, как мать,
и с родного крыльца
в дом чужой убежать?
Что тут делалось в зале!
Охи, вздохи и стоны!
Пеплом всё извергалось,
что сумели исторгнуть
из толпы, ставшей вдруг
столь послушной от рук
дирижёрских, готовых
в любой миг сделать знак
и спустить всех собак!

Что творилось со мной,
только вспомню — и вновь
становлюсь я больной.
Слышу крики и свист,
голоса, что когда-то
вызывали на «бис»,
теперь слали проклятья...

Судья — вместе с толпой,
что могла, всё отняла:
сына, честь и покой —
и под аплодисменты
приговор зачитала:
сына мне не давать,
а с меня — алименты
в пользу мужа взимать!

Глава двадцать восьмая

В землю копьё мы воткнём.
Окончена первая битва.
Оружье моё было крепко.
Мой дух был бодр и покоен.

(Рерих)

28.

Шёл к тебе очень долго
и мучительно трудно,
и, возможно, не столько
из-за сына, семьи,
просто в мыслях моих
червь сомненья подспудно
не давал мне покоя...

Мне казалось порой,
что не создана ты
для духовного взлёта,

не способна к крутым
на пути поворотам,
что не сможешь уйти
от житейских расчётов...

То казалось, что сам
не смогу возродиться,
одно дело — влюбиться,
измеряя в часах
встречи, ласки, беседы —
разойдясь напоследок,
а другое — к упряжке
быть пристёгнутым в паре,
когда мысли и тело,
когда слово и дело
пред тобой — нараспашку!
Не остынет ли жар,
не померкнут ли чары?

От жены убежал
я от первой — недаром.
Первый опыт сорвался,
знаю, в чём просчитался:
вознамерился сдуру
передумать натуру...

Убеждён теперь в главном:
истероидность явно
для семьи не подходит,
монотонность семьи
для истериков — пытка,

хватит пороха им
на одну только вспышку.
Кто такой истероид,
всем известно в народе.
И для всех не секрет,
часто внешний портрет
истероидов — броский.
С людьми сходятся быстро
на ходу, на бегу,
но скандальны, как выстрел,
дым пускают и лгут.
Их сердца — как авоськи,
наголове всегда
на любом перекрёстке
полнобить и предать.
Носы правят — по моде,
нет иных важных дел,
разговоры заводят,
в чём и как кто одет.
Лишь бы быть на виду,
наступают на горло,
не колеблясь пойдут
на подлог и на подлость.
Злость срывают на близких,
дарят ласки чужим,
с истероидом жизнь
не получится чистой.
Чтобы в счастья любить,
надо выбрать героя,
лишь бы это не был
психопат-истероид.

По понятиям чести,
кто кого выбирает:
жениха ли невеста,
иль невесту жених,
кому больше из них
в том любовь доверяет?

Идеальный пример,
хоть и взятый из сказки,
когда ломаются в дверь
претенденты — к царевне,
гнев смиряя и ревность,
уповая на ласку,
на любовь и на счастье
(заодно на полцарства!)

Чтоб невеста наверно
идеал нашла свой,
надо быть ей самой,
если и не царевной,
то хотя бы княжной:
неподкупной, достойной,
верной, нежной и стойкой.

С первой, кажется, встречи
ты свой выбор на мне
задержала навечно,
но прошло много дней,
пока смог я понять,

что достойней тебя
никого нет на свете,
и что ты для меня
не случайность — судьба.

Очень много по свету
я бродил — и встречал
разных женщин немало,
и ничто не мешало
с кем-то снова начать
жизнь, любовь — всё сначала.
Но пять лет я один
не женатым ходил,
потому что всегда
ты была где-то рядом
и светила мне взглядом,
как маяк, как звезда.

Но ни я, и не ты
ход событий ускорить
не старались почти:
что ждёт, счастье иль горе,
вряд ли кто-то из нас
мог заранее знать.
Тем не менее травлю
да такую — не ждали,
но теперь уже вряд ли
можно что-то поправить.

Тебе было трудней
и намного, чем мне,

но старалась меня
подбодрить ты, обняв:
«Мы любовь сбережём,
будет всё хорошо!»

Только снова
пришла ты
вся в слезах и опять
мне пришлось виновато
грудь свою подставлять.
Кто смог снова обидеть?
И теперь уже я,
твердил, скорбь затая:
«Будет всё хорошо,
мы любовь сбережём,
вот увидишь, увидишь,
мы сумеем ещё
за себя постоять,
травят нас? Ну и пусть!
Не боюсь я угроз,
драк любых не страшусь,
в драках с детства я рос.»
Но когда я узнал,
что случилось с тобою,
дух борцовский, не скрою,
сразу чуть приупал:
имел подлость сказать
муж: «Убила ты мать»

Если раньше о смене
места жительства я

не желал думать даже,
то теперь непременно
я решил настоять,
чтоб уехать подальше.
Муж твой стал запрещать
встречи с сыном тебе,
чтобы, мол, не губить
и ребёнка — как мать.
«Неужели убить
мы смогли горем мать?» —
беда — горше всех бед!
Но откуда он взял
эту страшную весть?
Из письма... Но прочесть
его так и не дал!
Ложь иль правду сказал?

Но была ещё нить
утешенья у нас:
он, наверно, в бессильи
лжёт, старается сына
от тебя отстранить.
Один выход сейчас,
путь-дорога одна —
ехать к матери нам,
хоть задача пройти
к ней теперь не проста;
на реке — ледостав,
перекрыты пути.

Собрались налегке

и пошли пилигримы,
людской злобой гонимы,
к своенравной реке.
С каким страхом вначале
мы ступили на лёд,
сердца робко стучали,
если б знать наперёд,
впереди что нас ждёт...

Льды реку заковали
не в единый момент —
в енисейской воде,
в злой, лихой кутерьме
их крутило немало,
но мороз был сильнее —
присмирел Енисей,
сдался иль притаился...

Покорёженный панцирь,
весь в торосах, наплывах
под ногами гудел.
Риск деля на двоих,
по нему боязливо
шли, невольно впадая
в ритм шаманского танца,
сперва медленно, шатко
с дрожью мелкою зябкой,
а потом ускоряя
все движенья свои...

Вот уже позади

стрежень, скоро и берег,
потеплело в груди,
шаги надо б умерить,
но сдержать их не мог:
как магнит, берег влёт,
тем сильнее, чем ближе...

Меж торосов я вижу
порвнее площадку,
и ступить не успел,
не успел я и вскрикнуть —
подо мной лёд осел...

Лишь минуты шла схватка
между мной и рекой,
руки в стороны вскинув,
я повис над водой.

«Шарф! — кричу, — брось конец!»
Шарф ты бросила мне.
В нежно-розовый шарф
я вцепился зубами
и на лёд влез ногами,
распластавшись на льду,
лишь мгновенье лежал,
а потом откатился
от смертельной беды,
от бурлящей воды,
за торос ухватился...

Только здесь смог понять,

что тут ждало меня.

На лице твоём ужас
прошёл мелом по коже.

Я, наверно, от стужи
исходил мелкой дрожью.

От одежды ручьи
на лёд тихо стекали
и вокруг ног моих
на бегу застывали.

Огляделся вокруг —
ледяная пустыня...

Только нам не простыть бы
на морозном ветру.

Покоробились сразу
брюки, ноги гудели.
Носки были в запасе,
мы решили одеть их.

На спине я лежал,
в позе истинной йоги,
подавал тебе ноги,
ты на них подышав,
горячо растирала
и к груди прижимала,
повторяя при этом

очень нежно и мило:
«Ноги мы сбережём,
будет все хорошо!»
А ботинки — газетой
изнутри устелила.
Когда на ноги встал,
я наверно знал:
мы себя сбережём,
будет всё хорошо!

Енисей одолев,
почти семь километров
мы прошли против ветра
по заветной земле.

И подкралась опять
к нам тревога за мать.

Вот и кладбище. Нет ли
не нём свежих могил?

Твои губы заметно
шевелились упрямо:
«Боже мой, помоги
сохранить мою маму.»

Возле дома — безлюдно.
Открываем калитку.
Басовито и сытно
лает пёс дружелюбно,
твой дружок лопухий.

Входим в дом и на кухне
видим: мать режет лук,
в седине голова,
но здорова на вид.

Кричишь: «Мама! Жива?!»

Заклчила в объятя,
а она всё на зятя
поглядеть норовит,
ведь впервые приехал.

Я стою перед ней
в заскорузлых доспехах,
объясняю шутливо:
окрестил Енисей,
значит буду счастливым.

В тёплом доме, в селе,
на пути-перепутьи,
на планете-Земле
не мог долго заснуть я.

В заре кутаясь алой,
истомилась земля
и стенала, стонала...

С ней томился и я.

Сколько слёз, сколько крови

по земле разлилось!
Под багряным покровом
расплескалася злость.

Полтора миллиона
лет живёт человек
в вечных кознях и войнах!
С новым веком — новой
лишь оружие смерти,
многочисленной жертвы,

во всём прочем — всё то же
на планете людей,
и ничто и нигде
измениться не может,
несмотря, что извечно
грезит люд о любви
и о дружбе сердечной,
но любовь не привить
к миру лжи и корысти,
к чувствам, к мыслям нечистым.
Миллиарды людей
миллиардами жизней
подтверждают лишь мысли
о суетности дел
их и чувств, и идей.

Человек необъятен,
хоть, увы — не без пятен,
чем похож он на солнце;

хоть разумным зовётся,
но себя он не знает,
вопреки поступает
он законам природы
и лишается рая,
вокруг кружит, рыдая...
Новый век — новый круг,
человек хороводит,
ни покоя, ни рая
он в себе не находит.
Мышцы сцепленных рук
болью судорог сводит.
Кто-то вскинет крылато
их над шумной толпой
иль в тиши — над собой...
Не часы ль он заводит?
Стрелкой по циферблату
человек в круге ходит...

Слышу, как ты и мать,
подойдя, наклонившись
надо мною с тревогой,
ещё чем-то накрыли
и укутали ноги,
и тихонько опять,
не спеша, удалились.
Речь у вас — обо мне...
И душою, как в детстве,
в безмятежности дней
снова смог отогреться.

Вновь поверил в тепло
человеческих рук
и в любовь, как оплот
счастья, в творческий труд.
Разных книг о любви
понаписано много,
не имеют иного
окончания, кроме
смерти или женитьбы,
трафарет всем знакомый,
но ни смерть, ни женитьба
не венчают Любовь:
смерть берёт всё с собой,
а женитьба — начало
лишь её иль конец.
Сколько в жизни сердец
лишь женитьбой разбито?!
Вот и наша любовь
в нашем будущем скрыта...
С этой вечною мыслью
о любви и о жизни,
о семье, об Отчизне
не мог долго заснуть я
в тёплом доме, в селе,
на пути-перепутьи,
на планете-Земле.

Песни,
романсы
о любви

*Борис Терещенко.
Гладиолусы.
Акварель, бумага, 42×58 см., 1980 г.*

1. ПЕСНЯ ВАЛЕНТИНЫ

Слова Бориса Терещенко Музыка Владимира Голованова

Я мечтала о счастье большом,
повстречалась я с ним на пути,
полюбила с тех пор всей душой, всей душой,
от себя никуда не уйти.

Знаю, нравятся косы ему,
У меня — золотая коса.
Почему же тогда до сих пор, почему
о любви ничего не сказал?

Знаю, нравятся песни ему,
Нет девчат голосистей, чем я.
Почему же тогда до сих пор, почему
безответная песня моя?

Для тебя моё сердце стучит,
для тебя мои песни звенят,
только ты не молчи, только ты не молчи,
что живёшь на земле для меня!

ПЕСНЯ ВАЛЕНТИНЫ

Слова Бориса Терещенко Музыка Владимира Голованова

Я меч - та - ла о сча - сье боль - шом, по - встре -

ча - сась я с ним на пу - ти, по - зво - би - ла е - го всей ду -

шой, всей ду - шой, от се - бя ни - ку - да не уй - ти. По - зво -

ла - - - - - ла для ме - ня

1. для повторения для окончания

2. ПРОХОДЯТ ЛЕТА ЧЕРЕДОЮ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Проходят лета чередою,
как в небе осенняя стая,
любое веселье земное,
любая тоска роковая,
любой день в потоке унылом —
уйдут в никуда непреложно,
вернуть даже миг невозможно,
как время его бы ни длило.

В сомнениях некуда деться,
но вдруг (может быть, не случайно) —
на помощь холодной печали
приходит горячее сердце,
и вот уже снова и снова
рождается вечное слово,
с которым отрадней и легче
по жизни идти скоротечной.

Любовь — первородное слово,
любовь — необъятное чувство,
великое в жизни искусство —
навек сродниться с любовью,
пускай же годов вереница
к любовным высотам стремится,
любимых крылом осеняя,
от бед и тоски укрывая.

ПРОХОДЯТ ЛЕТА ЧЕРЕДОЮ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Не спеша

Про - ходят ле - та че - ре - до - ю, как в не - бе о - сен - ния - стая, лю - бо -
е ве - се - лье зе - м - но - е, лю - бо - яя то - ска ро - ко - ва - я, лю - бо -
е де - нь в по - то - ке у - ны - ло - м — уй - дут в ни - ку - да не - прелож - но,
ве - рнуть да - же миг не - воз - мож - но, как вре - мя его бы ни дли - ло.
5
В со - м - не - ниях не - ку - да деть - ся, но в - д - ру - г (мо - жет бы - ть, не слу - чай - но) —
на по - мо - щь хо - лод - ной пе - чали при - ходит го - ря - чее се - рдце,
и вот у - же сно - ва и сно - ва ро - ж - да - ет - ся ве - ч - ное сло - во,
с ко - торым от - рад - ней и ле - гче по жи - зни и - ти ско - ротеч - ной.
12
лю - бо - вь — пер - во - род - ное сло - во, лю - бо - вь — не - об - ъ - ят - ное чу - вство,
ве - ли - ко - е в жи - зни ис - кус - ст - во — на - ве - ки с - род - нить - ся с лю - бо - вью,
пу - скай же го - дов ве - ре - ни - ца к лю - бо - вь - ным вы - со - там ст - ре - мит - ся,
лю - би - мых кры - лом о - се - няя, от бед и то - ски ук - ры - ва - я.

3. Я ПОМНЮ ЗАЛ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Я помню зал, зелёные обои,
горели свечи средь крошечной тьмы...
Здесь в первый раз мы встретились с тобою
и здесь впервые целовались мы.

От поцелуев, сорванных украдкой,
бросало в жар, кружилась голова,
и было упоительно и сладко,
слетали с губ безумные слова...

Минули годы, мы с тобой поныне
не забываем встречи при свечах,
и стали свечи нашею святыней,
романтика не гаснет в их лучах.

Я помню зал, зелёные обои,
горели свечи средь крошечной тьмы,
здесь в первый раз мы встретились с тобою,
и здесь впервые целовались мы.

Я ПОМНЮ ЗАЛ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Проникновенно

Я помню зал, зелёные обои, Го -
ре - ли све - чи средь кро - шеч - ной тьмы... Здесь впер - вый раз мы
встре - ти - лись с то - бо - ю и здесь впер - вые по - ло - жи - лись мы.

4. МОЙ ВЕНОЧЕК ДОРОГОЙ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Мой веночек дорогой
из жарков сплетён,
говорил мне милый мой,
лишь в меня влюблён
и дарил цветы-жарки
он мне каждый раз,
их так много у реки
расцвело сейчас.
Для чего мне жаркий цвет,
коль милого близко нет.
Енисей — моя судьба,
Енисеюшка,
как сниму веночек со лба
да слева ушка,
в руку правую возьму
веночек девичий,
кину в встречную волну,
напеваючи:
«Если верен мне жених,
то веночек мне верни».

МОЙ ВЕНОЧЕК ДОРОГОЙ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Мой ве - но - чек до - - - ро - той из жар - ков спле - тён,
то - во - рил мне ми - лый мой, лишь вас - не влюб - лён, и да - рил цве -
ты жар - ки он мне каж - дый раз, их так мно - го у ре - ки рас - цве -
ло сей - час. Для чего мне жар - кий цвет, коль ми - ло - го бли - зо -
нет Е - ни - сей - - - мо - я судь - ба

5. ПОЗЁМКА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Я знала слов нежных немало,
любимому все отдала.
«любовью» меня называл он
его я «судьбою» звала.

Могла ли подумать я разве,
что счастье моё украдут,
спешила к нему, как на праздник,
попала же вдруг на беду.

С другой он выходит из дома,
под руку с ней мимо идёт,
взгляд женщины той незнакомой
позёмкой по сердцу метёт.

Взглянул он, как солнце в ненастье,
и мимо прошёл милый мой,
и жалкое тихое «здравствуй»
хлестнуло, как плеть, надо мной...

Я знала слов нежных немало,
любимому все отдала,
«любовью» меня называл он,
его я «судьбою» звала.

ПОЗЁМКА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

♩.84 *задумчиво*

Я знала слов нежных немало,
любимому все отдала.
«любовью» меня называл он,
его я «судьбою» звала.

Могла ли подумать я разве,
что счастье моё украдут,
спешила к нему, как на праздник,
попала же вдруг на беду.

С другой он выходит из дома,
под руку с ней мимо идёт,
взгляд женщины той незнакомой
позёмкой по сердцу метёт.

Взглянул он, как солнце в ненастье,
и мимо прошёл милый мой,
и жалкое тихое «здравствуй»
хлестнуло, как плеть, надо мной...

Я знала слов нежных немало,
любимому все отдала,
«любовью» меня называл он,
его я «судьбою» звала.

6. УЖ Я ЛИ НЕ КРАСИВА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Уж я ли не красива, уж я ли не умна?
 Глаза — как небо синее, как сосенка стройна!
 Пускай говорят, что я, говорят,
 весной, говорят, влюбилася.
 Снега в горах растаяли,
 дожди с небес пролилися.
 Уж я ли не способна походкою завлечь,
 и реченьке подобна, журчит девичья речь.
 Пускай говорят, что я, говорят,
 весной, говорят, влюбилася.
 Снега в горах растаяли,
 дожди с небес пролилися.
 Всё к солнцу устремилось, чтоб звонче прогремять,
 уж мне ли не судилось дружка, как солнце, греть.
 Пускай говорят, что я, говорят,
 Весной, говорят, влюбилася.
 Снега в горах растаяли,
 дожди с небес пролилися.

УЖ Я ЛИ НЕ КРАСИВА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Уж я ли не кра-сива, уж я ли не ум-

на? Гла-за как не-бо си-нее, как со-сен-ка строй-

на? Пус-кай го-во-рят, что я, го-во-рят, вес-ной, го-во-

рят, кто-то би-ла-са. Сне-га в го-рах рас-

та-я-ли, дож-ди с не-бес про-ли-ли-ся.

7. ТЫ ПОСМОТРИ, МОЙ МИЛЫЙ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Ты посмотри, мой милый,
как я нарядна, правда?
Ты посмотри, любимый,
как я красива, да?

Как выступаю гордо,
ведь ты меня любишь,
как взгляд мой глубок и ясен,
ведь я тебя так люблю!

Сама связала платье
из пряжи, что ты дарил мне,
в нём мне тепло, уютно,
оно мне — так к лицу.

Любуйся мной, любимый,
Тебе я нравлюсь, правда?
Одно я знаю наверно,
я счастлива с тобой!

ТЫ ПОСМОТРИ, МОЙ МИЛЫЙ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Музыкальная запись песни «Ты посмотри, мой милый» в нотном формате. Запись состоит из двух систем. Первая система содержит две нотные строки: верхняя — мелодия в ключе фа-бемоль мажор, ритм 4/4, нижняя — аккомпанемент. Под первой строкой приведены первые слова песни: «Ты по-смот-ри, мой ми - лый, как я на-ряд - на, прав - да?». Вторая система также содержит две нотные строки, под которыми приведены следующие слова: «Ты по-смот-ри, лю - би - мый, как я кро-си - ва». Музыкальная запись заканчивается двойными точками.

8. ЛИРИЧЕСКАЯ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Мне тревожат душу думы разные,
помоги же сердцу моему.
Почему сегодня ты не ласковый,
на меня не смотришь почему?
Беспокоюсь, может быть, напрасно я,
ты скажи мне, милый, я пойму.

Быть смогу тебе всегда полезною
в радостях и горестях твоих
и навек хочу с тобою вместе я
всё делить, что будет, на двоих,
и навек хочу с тобою вместе я
всё делить, что будет, на двоих.

Пусть морщинки все на лбу расправятся,
узелок в надбровье развяжи,
подскажи, что больше тебе нравится,
я умею чувством дорожить.
Хочешь сына или дочь-красавицу —
будет так, лишь только ты скажи.

ЛИРИЧЕСКАЯ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Мне тре - во - жа - ет ду - шу ду - мы раз - ны - е, По - мо - ги же серд - цу мо - е - му.
По - че - му се - го - дня ты не лас - ко - вый, на - меня не смот - ри - шь по - че - му? Бес - по - ко - юсь,
мо - жет быть, на - пра - сно я, ты ска - жи мне, ми - лый, я пой - му.

9. НАРЯЖУ Я ТЕБЯ, КАК НЕВЕСТУ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Наряжу я тебя, как невесту,
и за праздничный стол усажу,
лёгкий ужин подать поспешу,
блюда все мы готовили вместе.
Перед тем, как фарфор нас согреет,
как хрусталь свою песню споёт,
проследим гладиолусов взлёт,
полюбимся розой своею.
В саду срезав последнюю розу,
я принёс её в дом отогреть,
ведь в Сибири уже в сентябре
ночью могут ударить морозы.
Меня ж греет уют наших комнат,
а забота твоя и любовь
без вина горячит мою кровь,
и под взглядом твоим так легко мне.
При свечах запоют бриллианты,
на твоей лишь руке в них — краса,
сразу виден твой княжеский сан,
для меня же — богиня всегда ты.
Пятьдесят тебе нынче родная,
до краёв я бокалы налью,
ещё больше тебя я люблю,
ещё страстней тебя я желаю!

НАРЯЖУ Я ТЕБЯ, КАК НЕВЕСТУ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Музыкальная запись песни «Наряжу я тебя, как невесту» в нотном формате. Текст песни:

На-ря - жу я те-бя, как не-вес-ту, и за празднич-ный стол у-са-жу, лёг-кий
у-жин по-дать по-спешу, блю-да все мы го-то-ви-ли вме-сте.
у-ют на-ших ко-мнат, а за-бота твоя и лю-бовь
без ви-на горя-чит мою кро-вь,
и под вз-глядом твоим так лег-ко мне.
При свеч-ах запо-ют брил-лиан-ты,
на твоей ли-шь руке в них — кра-са,
сразу ви-ден твой кня-жеский сан,
для меня же — бо-гиня все-гда ты.
Пять-десят тебе нын-че род-ная,
до кра-ёв я бо-калы на-лью,
ещё боль-ше тебя я лю-блю,
ещё стра-стней тебя я же-лаю!

10. МЫ ЕЛИ ЯГОДЫ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Мы ели ягоды, и руки
 торили свой привычный путь,
 и было некогда взглянуть
 в глаза друг друга.
 На стол луч солнца падал круто,
 и ваза с ягодой на нём
 искрилась девственным огнём,
 как угли будто.
 И каждый пальчик твой при этом
 высвечивал себя насквозь,
 горел, как винограда гроздь
 при ярком свете.
 Коснулись пальцы наши в вазе —
 спешили к яголке одной,
 и между мною и тобой —
 как искра сразу.
 И я почувствовал упруго
 биенье сердца своего,
 и тотчас силой и теплом
 налились руки.

МЫ ЕЛИ ЯГОДЫ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Не спеша

Музыка Валентины Терещенко

Мы е - ли я - - го - ды, и ру - ки То - ри - ли
 свой при - выч - ный путь, и бы - ло не - ко - гда взгля - нуть
 в гла - за друг дру - га. На стол луч сол - нца па - дал кру - то,
 и ва - за с яго - дай на нём искри - лась де - вствен - ным ог - нём,
 как уг - ли буд - то. И ка - ждый пал - ьчик твой при э - том
 высвечивал се - бя насквозь, го - рел, как ви - ногра - да гроздь
 при яр - ком све - те. Ко - сну - лись пал - ьцы на - ши в ва - зе —
 спе - ши - ли к яго - лке од - ной, и ме - жду мною и то - бой —
 как ис - кра сразу. И я по - чув - ствовал уп - руго
 би - енье сер - дца сво - его, и то - тчас си - лой и те - плом
 на - ли - лись ру - ки.

11. ЗА КАЗЁННЫМ СТОЛОМ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

За казённым столом при свечах
просидели с тобой до рассвета,
соскользнула бретелька с плеча,
только ты не заметила это.

И мерцал перед нами хрусталь,
и на дне его капли искрились,
увлажняли с тобой мы уста,
но всё суше они становились.

Не унять за казённым столом
сумасшедшие, пьяные грёзы...
Неужели с рассветом уйдём
в суету, в повседневную прозу?

За казённым столом при свечах
просидели с тобой до рассвета...
Соскользнула бретелька с плеча,
только ты не заметила это...
За казённым столом...
При свечах...

ЗА КАЗЁННЫМ СТОЛОМ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Оживлённо

Музыкальная партитура песни «За казённым столом» в нотном формате. Песня написана Валентиной Терещенко на слова Бориса Терещенко. Музыкальная партитура включает семь строк нот, соответствующих тексту песни. Стиль исполнения обозначен как «Оживлённо».

12. КОГДА КО МНЕ ПРИШЛА ВПЕРВЫЕ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Когда ко мне пришла впервые
ты на свиданье в поздний час,
две свечи блики огневые
бросали трепетно на нас.

И с парусами наш подсвечник
горел над нами в тишине...
С тех пор доньне и навечно
святыней стал тебе и мне.

Пришлось пройти такие смерчи
и нам, и алым парусам,
что жизни, а не только свечи
могли погаснуть в полчаса.

Но мы живём, и алый парус,
как в первый вечер в первый раз,
своей горячей свечной парой
ласкает и лелеет нас.

КОГДА КО МНЕ ПРИШЛА ВПЕРВЫЕ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Музыкальная партитура песни «Когда ко мне пришла впервые». Песня написана в 3/4 такта. Музыкальная запись включает три системы нот с соответствующими текстовыми подстрочками.

Ког - да ко мне при - ла впер - вы - е
ты на сви - дань - е в позд - ний час, две све - чи бли - ки ог - не -
вы - - - с бро - са - ли тре - пет - но на нас.

13. ДОВЕРЯТЬСЯ ЛЬ АПРЕЛЬСКОМУ СОЛНЫШКУ?

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Доверяться ль апрельскому солнышку?
Ещё снег упадёт на головушку.
Доверяться ль дружку торопливому?
Скороспелка-любовь — несчастливая.

Я хочу, чтобы милый обхаживал
и меня, словно вишню, выращивал,
называл своей вишенкой-ягодкой,
а ещё и красивой, и сладенькой.

И тогда всей душою откроюсь я,
расплету свои длинные волосы,
ведь не зря я ждала слова нужного,
я теперь навсегда — жена мужнина!

ДОВЕРЯТЬСЯ ЛЬ АПРЕЛЬСКОМУ СОЛНЫШКУ?

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Музыкальная партитура песни «Доверяться ль апрельскому солнышку?». Песня написана в тональности ми-бемоль мажор (B-flat major) и метре 4/4. Музыкальная запись включает четыре системы нот с соответствующими текстовыми подстрочками.

До - ве - рять - сь апрель - сь - му сол - ныш - ку? Е - ще
 снег у - па - дет на го - ло - вуш - ку. До - ве - рять - сь друж -
 ку то - роп - ли - во - му? Ско - рое - спел - ка - лю - бовь -
 не - счаст - ли - ва - я.

14. АХ, ЗАЧЕМ Я ЕГО ПОЛЮБИЛА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Ах, зачем я его полюбила
и зачем его взгляды ловлю,
знаю ведь наперёд, что мой милый
никогда мне не скажет: люблю.
Почему же его я люблю?

И напрасно о нём я мечтаю,
не приходит он даже во сне,
к сожаленью, ему не нужна я,
и не думает он обо мне,
моя жизнь от его — в стороне.

Как былинка, живу неприметной,
как же трудно вечерней порой,
когда мимо тропинкой заветной
он спешит на свиданье к другой...
Как вернуть мне свой сон и покой?

Та, другая, любовью играя,
не способна быть верной ему,
и когда он об этом узнает,
то придётся страдать самому.
Почему ж к ней спешит, почему?

АХ, ЗАЧЕМ Я ЕГО ПОЛЮБИЛА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Ах, за - чем я е - го по - лю - би - ла и за - чем е - го взгля - ды лов -

лю, зна -ю ведь на - пе - ред, что мой ми - лый ни - ког - да мне не ска - жет: люб -

лю, и на - прас - но о нём я меч - таю, не при - ходит он да - же во сне, к со - жал - е -

н - ию, ему не нуж - на я, и не ду - мает он обо мне, моя жизнь от его — в сто -

роне. Как бы - лин - ка, жи - ву не - при - мет - ной, как же тру - дно ве - чер - ной по -

рой, ко - гда ми - мо тро - пин - кой за - вет - ной он спешит на сви - дан -

ье к дру - гой... Как вер - нуть мне свой сон и по - кой? Та, дру - гая, лю -

бовью иг - рая, не спо - соб - на быть вер - ной ему, и ко - гда он об э - том

узнает, то при - де - тся стра - дать са - мо - му. По - че - му ж к ней спешит, по - че - му?

15. КАК В РЕКЕ БОЛЬШОЙ ВОДА ПОДНИМАЛАСЯ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Как в реке большой вода поднималася,
замуж девка молода собиралася.
— На чём будет милый спать?
— На правой руке.
— Чем же будешь укрывать?
— Рукой левою.
Туча по небу плывёт, тяжелеючи,
бьёт гроза над головой, не жалеючи.
— Чем милого защитить?
— Рукой правую.
— А беду чем отвести?
— Да другой рукой.
Ходит рядом и вокруг, ох, разлучница,
уведёт милого вдруг — будешь мучиться.
— Правой, левой ли рукой мил-дружка держать?
— Мне известно лишь одно: я умею ждать.

КАК В РЕКЕ БОЛЬШОЙ ВОДА ПОДНИМАЛАСЯ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Музыкальная партитура песни. Пять строк нотного записи в 3/4 такте, тональность B-flat major. Под нотами приведены русские слова.

Как ре-ке боль-шой во-да под-ни-ма-ла-ся -

ся, За-муж де-в-ка мо-ло-да со-би-ра-ла-ся. - - -

На чем бу-дет ми-лый спать? - - - На пра-вой ру-ке. - - -

Чем же бу-дешь ук-ры-вать? - - - Ру-кой ле-во-ю.

16. НЕВЕРНЫЕ СЛОВА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Был для меня ты лишь попутчиком,
и эта новость не нова,
как вспомнятся, так и забудутся
твои неверные слова.

Боюсь, что запоздали нежности,
и нам уже не по пути,
уйду я от твоей неверности...
Смогу ли от себя уйти?

И не на самой людной станции
пути и судьбы разошлись,
не стоит, думаю, печалиться,
что заново начнётся жизнь.

А если доведётся встретиться,
смогу ли я тебе сказать,
ведь ничего уж не изменится,
ушедший поезд не догнать.

Был для меня ты лишь попутчиком,
и эта новость не нова,
как вспомнятся, так и забудутся
твои неверные слова.

НЕВЕРНЫЕ СЛОВА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Музыкальная партитура песни «Неверные слова». Песня написана в G-мажоре, 3/4 такта. Музыкальная запись включает четыре системы нот с соответствующими русскими текстами под нотами.

Был для меня ты лишь попутчиком,
и эта новость не нова,
как вспомнятся, так и забудутся
твои неверные слова.

Боюсь, что запоздали нежности,
и нам уже не по пути,
уйду я от твоей неверности...
Смогу ли от себя уйти?

И не на самой людной станции
пути и судьбы разошлись,
не стоит, думаю, печалиться,
что заново начнётся жизнь.

А если доведётся встретиться,
смогу ли я тебе сказать,
ведь ничего уж не изменится,
ушедший поезд не догнать.

Был для меня ты лишь попутчиком,
и эта новость не нова,
как вспомнятся, так и забудутся
твои неверные слова.

17. КОЛЫБЕЛЬНАЯ (НЕ ХНЫЧЬ, СЫНОК)

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Не хнычь, сынок, тебе пора уж спать,
и задалась давно тебя кровать,
быть может, справлюсь с колыбельной я,
спою, как мама пела для тебя.

Мама не вернётся к нам с тобой, сыночек,
ласки и заботы у неё — другим,
может быть, когда-то встретиться придётся,
мы тогда достойно с ней поговорим.

Как мал ещё ты у меня, сынок.
но так же, как и я, ты одинок,
ведь мама нас оставила одних,
теперь живёт среди людей чужих.

Мама за любовью устремилась слепо,
такова, наверно, у неё судьба...
Но в окошке нашем разве мало света?
Счастье нужно строить в доме у себя.

Хоть грустновато, может быть, порой,
но разве плохо нам вдвоём с тобой?
Не зря ведь мужиками родились,
сумеет заново наладить жизнь.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Не хнычь, сынок, тебе пора уж спать, и задалась
лас-ла-ла по тебе кро-вать, быть мо-жет, справ-люсь со-мь-бель-ной
я, спо-ю, как ма-ма по-ла для те-бя. быть мо-жет, справлюсь со-мь-бельной я, спою, как ма-ма
пе-ла для те-бя. Ма-ма не вер-нет-ся к нам с то-бой, сы-но-чек,
лас-ки и за-бо-ты у не-е дру-гим, мо-жет быть, ко-гда-то встре-тись при-дет-ся,
мы то-гда до-стойно с не-й по-го-во-рим. Как ма-ло ещ-е ты у ме-ня, сы-нок.
но так же, как и я, ты оди-нок, ведь ма-ма нас оста-вила од-них,
те-перь жи-вет сре-ди лю-дей чу-жих. Ма-ма за лю-бовью ус-тре-ми-лась сле-по,
та-ко-ва, на-вер-но, у не-е суд-ьба... Но в окош-ке на-шем раз-ве ма-ло све-та?
Сча-стье на-уж-но стро-ить в до-ме у се-бя. Хо-ть гру-стновато, мо-жет быть, по-рой,
но раз-ве пло-хо нам вдво-ем с то-бой? Не з-ря ведь му-жи-ка-ми ро-ди-лись,
су-ме-ет за-ново на-ла-дить жи-знь.

18. АХ, ЛЮБОВЬ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Ах, любовь,
 ах, любовь — неусыпные ноченьки,
 что ни день, то сомнения вновь,
 ох, любовь,
 нету сил моих, нету моченьки,
 всё тобой лишь одной озабочена
 очень я.
 На меня,
 на меня — все оглядки, все шёпоты,
 все подряд — и корят и бранят,
 и меня
 за любовь мою травят с хохотом,
 только в книгах любовь не запретная,
 светлая.
 Милый мой,
 ты приходи, моё солнышко красное,
 отогрей, приласкай, успокой,
 мой родной,
 на любые заботы согласна я,
 лишь бы ты перед ними выстоял,
 я — с тобой!

АХ, ЛЮБОВЬ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Ах, лю- - бовь, ах, лю-бавь-и-у-сып-им-е но-чень-ки, что ни день, то сом-
 не-ня-е вновь, ах, лю- - бавь, не-ту сил мо-их, не-ту мо-чень-ки, лишь од-
 ной то-бой о-за-бо-че-на о-чень я.

19. ГДЕ БЫЛА ТЫ, МУДРОСТЬ?

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Вёснами шальными,
душными ночами
«Выбери подругу!» —
юность мне кричала.
«Выбери подругу,
уведи под руку,
юную, шальную,
судьбинушку хмельную!»
Осенью холодной
в слякоть, дождь и серость
«Выбери подругу», —
мне шептала зрелость.
«Выбери подругу
из равного круга,
ласковую, верную,
мастерицу первую».
Но пройдёт и осень,
и тогда мы спросим:
«Где была ты, мудрость,
почему молчала,
как кричала юность,
зрелость как шептала...»

ГДЕ БЫЛА ТЫ, МУДРОСТЬ?

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Умеренно

Вес-на-ми шаль-ны-ми, Душ-ны-ми но-ча-ми "Вы-бе-ри под-
ру-гу!" - Ю-ность мне кри-ча-ла. "Вы-бе-ри под-ру-гу,
У-ве-ди под-ру-ку. Ю-ную, лас-ко-вую, вер-ную, Судь-би-нуш-ку хмель-
ную. Но про-й-дет и ос-ень, и то-гда мы спро-сим: "Где бы-ла ты, му-дрость,
по-че-му мол-ча-ла, как кри-ча-ла ю-ность, зре-лость как шеп-та-ла..."

20. ЗАПАШНЭ ЗИЛЛЯЧКО В ЦВИТУ

Слова *Борыса Тэрэценка* Музыка *Валэнтыны Тэрэценка*

Хвылями бурхлыво Днипр вночи гуркочэ,
смутнэе дивча вин знай журбыць,
нащо воно ходыць тута сэрэд ночі,
що надумало з собой зробіць.

И була снытлыва одповідь дивоча,
я шукаю щастя свое тут,
тут я загубыла рутяный виночок,
запашнэе зиллячко в цвиту.

Ой, вы, бэрэжэчкы, квитамы повыти,
прытуга, прынада молодым,
хто ж тут в барвиночку, в рути, в оксамыти
в запашнии дыва нэ ходыв?!

Нэ бурчы, Днипро, ты в свои сыви вуса,
бо записние твоя вода,
нэ жэны вид сэбэ, всэ одно ты мусыш
запашнэе зиллячко виддаты.

ЗАПАШНЭ ЗИЛЛЯЧКО В ЦВИТУ

Слова *Борыса Тэрэценка* Музыка *Валэнтыны Тэрэценка*

Хвы - ля - ми бурх - лы - во Днипр вно - чи гур - но - чэ,
Смут - но - с див - ча вин знай жур - быць, На - що во - но хо - дить ту - та сэрэд - но - чы,
шо на - ду - ма - ло зо - бой тро - быць.

21. ДОЛЭ МОЯ

Слова Бориса Тэрэщенка Музыка Валэнтыны Тэрэщенко

Дэсь шляхамы Украины
 ходыць доля мая,
 в нэи облик дивчыны,
 а душа соловья.
 Занэдужав пяснямы
 я про ридни краи,
 сумовав до нэстямы
 всэ по вас, соловьи.
 Сумовав по дибровам,
 по вышнэвым садкам,
 ще й по хвляям днiproвым,
 матэрынськым рукам,
 по очам тым дивочым,
 що свитылы мэни
 и в безмовний пивночи,
 и в чужий сторони.
 Я нэ знаю, як сталось,
 моя мрия збулась,
 уви сни не гадав я,
 алэ доля знайшлась.
 Я почув ридну мову,
 глянув в очи твои —
 загулы у диброви
 соловьи, соловьи.

ДОЛЭ МОЯ

Слова Бориса Тэрэщенка Музыка Валэнтыны Тэрэщенко

Дэсь шля - хамы Укра - ны Хо - дить до - ля мо - я,
 В нэ - и об - лик див - чы - ны а ду - ша со - лов - я.
 За - ну - жу - вав пяс - ня - мы я про - рид - ни кра - и, су - мо - вав до - нэ - ст - я - мы
 по - вы - ш - нэ - вым са - д - кам, ще й по - хв - ля - ям дн - и - про - вым,
 ма - тэ - рын - сь - кым ру - ка - м, по - оч - ам тым див - оч - ым,
 що свиты - лы мэ - ни и в без - мов - ний пив - но - чи,
 и в чу - жий сто - ро - ни.
 Я нэ зна - ю, як ста - лось, моя м - рия збу - лась,
 уви сни не га - дав я, алэ до - ля знай - шлась.
 Я по - чув рид - ну мову, гля - нув в очи тво - и —
 за - гу - лы у див - рови со - лов - ьи, со - лов - ьи.

22. МОЛЕНЬЕ О ЛЮБВИ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Поднимаясь всё выше в зенит,
отливая всё меньше медью,
словно колокол, солнце звенит,
как звонарь, созывая к обедне.

Для моления час наступил,
поспешим же на гору крутую
или к старому дубу в степи,
или в светлую рощу святую.

О Царь-Солнце, о Бог наш живой,
просвети наши тёмные души,
чтобы солнечный лик огневой
согревал нас не только снаружи —

изнутри чтоб любовью сиял
взором солнечным, ясным и светлым,
О Царь-Солнце, услышь россиян
и внемли их желаньям заветным!

МОЛЕНЬЕ О ЛЮБВИ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Песня написана в тональности ми-бемоль мажор (B-flat major) и 4/4 такта. Музыка начинается с паузы на полтора такта. Текст песни под гитарными аккордами:

Под-ни-ма-ю - ся - все - вы-ше в зе-нит,
от-ли-ва-я все - мень-ше ме-дью,
сло-вно ко-ло-кол, сол-нце звенит,
как звона-рь, созы-вая к обе-дне.

Для мо-ле-ния час на-ступил,
по-спе-шим же на го-ру кру-тую
или к ста-ро-му ду-бу в сте-пи,
или в све-тлую ро-щу свя-тую.

О Царь-Сол-нце, о Бог наш жи-вой,
прос-вети на-ши те-мные ду-ши,
что-бы сол-неч-ный лик ог-невой
со-гре-вал нас не толь-ко сна-ру-жи —

из-ну-три что-б лю-бовью сиял
взо-ром сол-неч-ным, яс-ным и све-тым,
О Царь-Сол-нце, услышь рос-сиян
и в-нем-ли их же-ланьям за-вет-ным!

23. ОЗЕРО ШИРА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Небо и земля, звёзды и заря
влюблены не зря, не зря
в озеро Шира.

Расскажи мне, хайджи,
о родной моей земле,
спой, чатхан, мне тапах,
сердцу станет веселей.

Почему же вновь
он спешит к волне,
ведь моя, моя любовь
глубже и нежней.

Расскажи мне, хайджи,
о родной моей земле,
спой, чатхан, мне тапах,
сердцу станет веселей.

Много мест святых
на земле любой,
но лишь там моя судьба,
где живёт любовь.

Расскажи мне, хайджи,
о родной моей земле,
спой, чатхан, мне тапах,
сердцу станет веселей.

ОЗЕРО ШИРА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Живо

Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Песня начинается с мелодической линии в верхнем регистре, которая затем переходит к аккордовому сопровождению. Текст песни подпечатан под нотами.

Не - бо и зем - ля, звёз - ды и за - ря влюб - ле - ны не
зря, не зря в о - зе - ро Ши - ра. Рас - ска - жи мне, хай - джи, о род - ной мо -
ей зем - ле, спой, чат - хан, мне та - пах, серд - цу ста - нет ве - се - лей.

24. ХАНКИРЕ¹

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Кружит птица Ханкире
в синеве безбрежной,
обернулась на ковре
в голубой подснежник,
колокольчик зазвенел
и сорвался с места,
и завис он в вышине
жаворонка песней.
Вдруг сойдут на степь с дождём
звёзды-огонёчки,
вспыхнут яростным огнём
яркие жарочки.
Кружит, кружит Ханкире
над землёй хакасской,
оживает на ковре
тень её, как в сказке.
И от взмахов крыльев вдруг
вырвутся на волю,
пронесутся на ветру
перекати-поле.
И беглянок тех найдёт
ветер лишь под вечер,
их в распадке соберёт
табунком овечек.
Поспешите же, верный конь,
друг мой златогривый,
донеси меня домой
поскорее к милой.
Кружит птице Ханкире,
приближая вечер,
мчится конь мой всё быстрее,
мчит любви навстречу!

¹ Ханкире — дух силы и благородства в хакасском фольклоре

ХАНКИРЕ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Кру - жит пти - ца Хан - ки - ре в си - не - ве без -
бреж - ной, О - бер - ну - лась на ко - вре в го - лу - бой под - снеж -
ник, Ко - ло - нель - чик за - звен - ел и сор - вал - ся с мес - та,
и за - вис он в вы - шине жа - во - рон - ка пес - ней.

25. ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Потерянный рай, потерянный рай...
 Полнее, мой друг, бокал наливай,
 на дне ли бокала, в глазах ли твоих
 отыщем свой рай, один на двоих.
 Мы с детства о рае слышали немало,
 мы грезили раем не только во сне,
 взрослея из гнёзд мы родных улетали
 вослед за мечтами о райском житье.
 Но жизнь не щадила нас, может, по праву,
 остались ни с чем мы совсем невзначай,
 ушли в никуда и мечты, и забавы,
 осталась тоска да потерянный рай.
 Потерянный рай, потерянный рай,
 полнее, мой друг, бокал наливай,
 на дне ли бокала, в глазах ли твоих
 отыщем свой рай, один на двоих.
 Развеется грусть, уймётся тоска,
 с души тяжкий груз твоя снимет рука,
 как в детстве, опять мы сможем мечтать,
 потерянный рай обретём невзначай.
 Потерянный рай, потерянный рай,
 полнее, мой друг, бокал наливай,
 на дне ли бокала, в глазах ли твоих
 отыщем свой рай, один на двоих.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Живо, энергично.

По - те - рян - ный рай, по - те - рян - ный рай... Пол -
 нее, мой друг, бо - ка - л на - ли - вай на дне ли бо - ка - ла, в гла -
 зах ли тво - их о - ты - щем свой рай, о - дин на дво - их. Мы
 с - ле - ст - в о о ра - е слы - ха - ли не - ма - ло, мы гре - зи - ли ра - ем не
 толь - ко во сне, взрос - ле - я из гнезд мы род - ных у - ле - та - ли вос -
 след за меч - та - ми о рай - ском жить - е.

26. МАМА НЕСРАВНЕННАЯ РОДНАЯ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Я всё чаще к прошлому взываю,
хоть и не вернуть былые дни.
Мама несравненная, родная,
ты вернись, хотя бы в мои сны,

дай мне счастьем надышаться снова
беззаботной юности моей,
любоваться в праздники обновой,
по утрам блинов твоих поесть.

Не успею в сладком сне забыться,
прогуляв почти что до утра,
а твой голос в сны мои стучится:
«Деточка, вставать давно пора».

Не забыть, когда ты на колени
на овчину ставила меня
и дала своё благословенье,
в безрассудстве дочку не вина,

в долгую дорогу проводила
и смотрела долго мне вослед...
Кажется, во сне всё это было,
без тебя сошёлся клином свет.

Ныне под осиротевшей крышей
как забыться с ночи до утра —
голос твой я больше не услышу:
«Деточка, вставать давно пора».

МАМА НЕСРАВНЕННАЯ РОДНАЯ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Не спеша

Я все ча-ще к про-шлу-лому взы-ва-ю, хоть и не вер-нуть бы-лы-е
дни. Ма-ма, не-срав-нен-на-я, род-на-я, ты вер-нись, хо-
тя бы в мо-и сны. Не за-быть, ко-гда ты на ко-лени
на ов-чину ста-вила ме-ня и да-ла сво-ё бла-го-сло-ве-нье,
в без-рас-суд-стве до-чку не ви-на, в дол-гую до-рогу про-во-ди-ла
и смо-тре-ла до-лго мне вос-лед... Кажет-ся, во сне всё это бы-ло,
без те-бя со-шёл-ся кли-ном свет. Ны-не под осиротев-шей кры-шей
как за-быть-ся с но-чи до у-тра — го-лос твой я боль-ше не ус-лы-шу:
«Де-точка, вставать дав-но по-ра».

Список песен

1. Песня Валентины
2. Проходят лета чередою
3. Я помню зал
4. Мой веночек дорогой
5. Позёмка
6. Уж я ли не красива?
7. Ты посмотри, мой милый
8. Лирическая
9. Наряжу я тебя, как невесту
10. Мы ели ягоды
11. За казённым столом
12. Когда ко мне пришла впервые
13. Доверяться ль апрельскому солнышку?
14. Ах, зачем я его полюбила
15. Как в реке большой вода поднималась
16. Неверные слова
17. Колыбельная (Не хнычь, сынок)
18. Ах, любовь
19. Где была ты, мудрость?
20. Запашнэ зиллячко в цвиту
21. Долэ моя
22. Моленье о любви
23. Озеро Шира
24. Ханкире
25. Потерянный рай
26. Мама несравненная, родная

*Жетон «Символ Солнца», полученный
от Даждьбога через озеро Шира*

Учение о трёх
составляющих
любви

Борис Терещенко.
Рада, родившая Каму, бога любви.
 Масло, ДВП, 76×55 см., 2009 г.

Учение о трёх составляющих любви

У истинных русичей, не испохабленных психологией потребительства, не растленных американской чернухой и мишурой, есть ценнейшая черта — сжиматься пружинкой в самую тяжёлую годину, сцепить зубы, напрячь выю — и пахать свою ниву, пахать и сеять, сеять и жать — и результаты дают о себе знать: труд воздаётся сторицей.

Славянорусы — необычно яркая, сложная, ёмкая, стойкая и жизнеспособная этническая общность. Это калейдоскоп женских и мужских типов образов и характеров, это симфония языков и наречий, диалектов, это букет национальных обычаев, обрядов, традиций, это долгое эхо многотысячелетней истории и седой старины, это мощное многоствольное древо жизни, покрывающее собою огромное пространство двух центральных континентов планеты.

Не может такая ширь и мощь не сказаться на характере народа, способном вобрать и поглотить, и переварить, и усвоить всю остроту и сложность жизненных проблем, преодолеть всяческие преграды, решить любые задачи. Племена наших предков возрождались даже после самых опустошительных набегов хазар, готов, гуннов, татаро-монголов.

Одна из самых разрушительных сил в здоровье российской нации — алкоголизм. С одной стороны, это объясняется климатопроизводственными условиями, вынуждающими в страдную пору испытывать огромнейшие перегрузки, прежде всего физические и, конечно, моральные,

поскольку неурожайные годы были нередки. Эмоциональная разрядка в таких случаях напрашивалась сама собой. Но с другой стороны, и это, пожалуй, более существенная причина, уж так сложилась история народа в последние времена, что будучи тысячелетиями народом вольным, свободолюбивым, независимым, поскольку развивался в условиях вечевой демократии, и не зная ни рабовладельческого, ни патриархального гнёта, в последнее тысячелетие россиянам пришлось быть почти постоянно под гнётом чужаков — церковным и государственным. Славяноруссов насильно лишили исконной религии (ведизма), которая центрировала всю их духовную жизнь, весь жизненный уклад.

Так называемая «молодёжная культура» — троянский конь, призванный разрушить изнутри русское национальное самосознание. Жизнь и культура отдельного индивида является продолжением жизни и культуры его родителей, его предков (четвёртое положение биосоционики). Именно продолжая традиции культуры своего народа, можно максимально реализовать себя в жизни, ведь национальные архетипы закодированы в физиологических и психических особенностях индивида. В перестроечные дни трое десятиклассников одной из санкт-петербургских школ, взобравшись на крышу десятиэтажного дома и взявшись за руки, — бросились вниз, на асфальт, в знак протеста против своего убогого нищенского существования...

Кто скажет, сколько иных юношей и девушек сгубили себя в погоне за «красивой» жизнью? Казалось бы — благородное устремление: собрать детей северных народов в интернат и обучать их азам грамоты и европейской культуры. Но из них ни европейцев не получилось, ни продолжателей дела отцов, жизнь которых немислима без оленей; но оленей уже пасти некому, народы севера — на грани вымирания. Вот что такое подсунутая «молодёжная культура». Если ребёнок не будет помогать в семье с самых ранних лет, а до пяти-семи лет он очень стремится к этому в силу инерции архетипа, то, уже побывав «на иных харчах», ему родительский образ жизни и мысли будет до «лампочки», с чем мы ныне и встречаемся повсеместно и постоянно. Это результат «молодёжной культуры», и вина тут не детей, а родителей, которые думают, что

уходят в «красивую» жизнь во благо своё. Мы прожили «в хлеву», пусть хоть дети наши похикуют в «теремах».

Нынешняя ситуация с русской государственностью, с русской культурой — не из самых худших. Проблема не в России, а в каждом из нас: верим ли мы в Отчизну? Надеемся ли на её великое будущее? Достаточно ли любим, чтобы хоть чем-то пожертвовать ради неё? Как только мы сумеем ответить на эти вопросы положительно, сами собой отойдут на задний план алкоголизм, наркомания, суицид, потому что возрождение великой России способно всколыхнуть и мысли, и чувства, и дела истинного гражданина своей страны, терпящей бедствие и нуждающейся в поддержке светлых умов, чистых сердец, сильных рук.

Жизнь человеческая — клубок из пряжи, и находится она в руках трёх богинь. Одна прядёт нить, другая бросает жребий, третья обрывает её. Но и судьбу каждого народа правомочно уподобить нити. Тот или иной народ существует, пока не прервётся нить, связующая его прошлое с настоящим, ведь жизненный потенциал нации, народности заложен в обрядовой, языковой культуре, в орнаменталистике, в фольклоре (третье положение биосоционики).

Во времена социальных и научно-технических революций появляются иллюзии всемогущества и вседозволенности, и человек, пьянея от необузданной свободы, губит свою природу, разрушая будущее своих детей. На первый взгляд, весьма и весьма далеки друг от друга трубачи Пролеткульта и «супермены» современной массовой рок-культуры, но как схожи их приёмы и методы самоутверждения: начиная свою жизнь с нуля, от собственного «Я», они укорачивают её тем самым на тысячелетия. Коллективное сознание развивается в русле собственной ментальности и архетипически обусловлено. Не понимая этого, многие думают, что любому народу можно навязать любую религию, любую идеологию; с другой стороны, некоторым кажется, что можно жить «припеваючи» в русле чужой культуры, чужой идеологии. Такие бросают отчий дом, могилы предков, друзей-товарищей, лишь бы осесть на золотого тельца. Увы, отдельный человек — лишь листочек на древе жизни, и вся его жизнедеятельность во многом зависит от специфи-

ки почвы, корней, стволов и ветвей этого дерева, то есть — своего народа. И если народ хоть немного озабочен судьбами и здоровьем своих сыновей-дочерей, он должен ни на йоту не поступаться своей языковой, обрядовой культурой, традициями, своим фольклором, орнаменталистикой, менталитетом, в которых заложен код национального самосознания. Вслед за Пушкиным каждый истинный русич должен повторять для себя в самую трудную минуту: «Клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков». Эта формула сильнее заговора, сильнее любой мантры, любой молитвы, она таит в себе космический потенциал духовного иммунитета, заключающего в себе великие душевные силы: веру, надежду, любовь, способных любого человека возродить духовно, а утверждение нравственного здоровья — залог общего здоровья и счастья.

Шестое положение биосоционики гласит: «Через любовь — к счастью». Ежесуточно во всём мире происходит 500 тысяч дефлораций, полмиллиона девушек лишается девственности, но это ещё не беда, трагедия в другом: за это же время — за каждые сутки — во всём мире происходит более 600 тысяч заражений венерическими заболеваниями. Каждые сутки прибавляется более полумиллиона венерических больных, в том числе сифилисом, СПИДом.

Можно годами скрупулёзно высчитывать своё меню, насыщать себя витаминами и микроэлементами, добывать для себя талую воду и заниматься дыхательной и прочей гимнастикой, и буквально в один миг, не устояв перед случайной половой связью, обрушить своё здоровье, огромными усилиями созидаемое за многие годы. Разрушающие здоровье привычки не ходят поодиночке: это и злоупотребление в еде, и в приёме алкоголя, которые почти всегда сопровождаются курением, а от алкоголизма уже недалеко и до половых беспорядочных связей, и до наркомании. Когда говорят, что кто-то дошёл до беспорядочных половых связей — это неверно, ведь промискуитет в человеческом стаде существовал изначально вплоть до кровосмешения, до половых связей родителей со своими детьми. Но при близкородственном кровосмеше-

нии потомство появлялось нежизнеспособным, поэтому инстинкт самосохранения вынудил постепенно упорядочить половую жизнь: появились групповые, дуально-групповые браки с оргиастическими праздниками, когда мужчины одного племени в определённый период встречались с женщинами другого племени (купальские праздники — отголоски таких встреч).

С развитием неравенства и накоплением богатства появилась проблема наследования, что и привело к парному браку, а в последующем — и к моногамии.

Таким образом, вектор любви в эволюции направлен от полигамии к моногамии; по законам биосоционики, то же должно быть и в индивидуальной жизни, чем более зрелый, развитый духовно человек, тем дальше он удаляется от первоначальных полигамных отношений, тем ближе подходит он до моногамного идеала. Будущее — за моногамной любовью.

Любовь — историческое понятие, это чувство находится ещё в стадии становления, у некоторых народов даже нет такого понятия, нет слова, обозначающего «любовь». Чем ниже стадия развития народа или отдельного индивида, тем меньше разборчивость в половых вопросах. Существует, разумеется, наряду с этим и целый ряд культурных, национальных, кастовых, богемных традиций, которые нередко формируют особые представления о любви. Кто может упрекнуть Платона в бездуховности, а между тем в его время педерастия считалась престижным занятием, которую вполне можно назвать «платонической любовью». Никому не приходится осуждать гаремы у мусульман, при которых сохранились евнухи. Кому-то владеть десятками женщин, кому-то ходить кастрированному. Жрецы богемной коллективной любви свысока взирают на идею моногамии, считая себя истинными носителями любви, но трудно назвать хоть кого-то из них, кому бы, по большому счёту, удалась личная жизнь.

Почему так много говорится о любви, но так редко встречается она? Прежде всего потому, что мы не знаем определённо, о чём говорим. Для кого-то любовная, а вернее сексуальная интрига — это путь

к светлой мечте о величайшем счастье на земле, для кого-то — способ добиться корыстной цели, для кого-то — средство самоутверждения, для иных — манера отдыха и общения, для других — орудие мести, для прочих — не более, чем голая физиология. А в книгах и в быту вся эта мешанина из самого выспренного и возвышенного до самого пошлого и мерзостного называется одним и тем же словом — любовью. Половой инстинкт, которому подчинено всё живое — это ещё не любовь, но и сладкое пение кастрированных певцов — ещё более не любовь. Фрейд помог нам заглянуть в «святая святых» полового инстинкта; единственное сожаление, что он рассматривал лишь один из трех основных инстинктов, в этом уязвимость фрейдизма, поскольку жизнедеятельность любого существа прежде всего регулируется инстинктом самосохранения, главным в ранге инстинктов, затем — пищевым, и только в случае, когда существо, находясь в безопасности, удовлетворило свой голод, в права свои вступает половой инстинкт. Нельзя всё бессознательное сводить лишь к либидо.

Если бы Фрейд и в толковании снов, и проявлении бессознательного пытался обращаться к выяснению влияния всех названных инстинктов, повода для упреков в его адрес не нашлось бы вовсе, и тем не менее его всё равно отвергло бы религиозное общество, поскольку Фрейд считал религию коллективным неврозом, то есть ненормальностью психики. И тем не менее ни педагогика, ни психология, ни психиатрия не мыслимы без психоанализа Фрейда. Он показал, что именно любовью живёт и дышит человек с грудного возраста и до конца жизни, что это чувство, разворачиваясь, проходит различные стадии развития, повторяющие сексуальную эволюцию всего человечества. Неполная реализация полового инстинкта может вызвать задержки на различных этапах, что чревато невротическими срывами и психическими заболеваниями, а также различными извращениями в сексуальном поведении. Половой инстинкт — движитель любви, её основа и сердцевина. Но на инстинкты, как на огонь и воду, нужна управа. Неуправляемые инстинкты — бешеная тройка! — могут вывалить в сугроб или уволочь в пропасть. Несдерживаемый инстинкт самосохранения приводит к садизму, пище-

вой — к обжорству, половой — к порнографии. Определённые понятия о долге, о постах, о морали, о любви вознаграждают человека сторицей. Инстинкты даны нам природой, задача воспитания — уравновесить их приобретёнными качествами: нравственностью, моралью, волей.

Какие же рамки нужны для полового инстинкта, чтобы получилась любовь? Вот они, три условия, когда чувства между мужчиной и женщиной можно назвать любовью: взаимность, верность, жертвенность.

Говоря о любви, нельзя не упомянуть о Кама-сутре, одном из древнейших трактатов о любви. В современном понимании — это пособие по сексологии, по любовному ритуалу. Любовный ритуал — величайшее изобретение природы, любовный ритуал — наука, которую следует постигать всю жизнь, а любовь — это ещё и талант, который дается не каждому, но каждый волен испытать себя в ней.

Сексуальная революция, провозглашённая на Западе, — это, с одной стороны, реакция на ханжеское христианское пуританство, с другой — признак деградации общества: соскальзывания его в доцивилизованную эру групповых браков и оргиастических праздников, а с точки зрения медицины — это социальный невроз.

Разнузданный секс — не любовь, как не являются любовью занятия в публичных домах. Кама-сутра хоть и провозглашает вседозволенность в любви, но вместе с тем рекомендует постоянство любовных партнёров: если всё, чему учит Кама-сутра, происходит между постоянными партнёрами — это способствует росту и укреплению любви; если те же действия совершаются с каждым встречным — это разрушает любовь.

Диалектика неумолима: погонишься за многим — потеряешь всё, постарайшься сохранить единственное — обретёшь весь мир. Моральные ценности имеют свои категории: больше всего человеку может дать для счастья крепкая, дружная, ладная семья, а счастливой семьи без любви не бывает, как не может быть счастливой любви без устойчивого здоровья. На пути человека к счастью чаще всего недооценивается преданность в любви и семье, а без любви и семьи — жизнь — суета сует. Если говорить о счастье в полном смысле, то оно не может быть «од-

нозтажным», то есть построенном на каком-то инстинкте или инстинктах, или только на сознании. Счастье — многоэтажно. Три условия счастья, каждое из последующих основывается на предыдущем; стремление к физическому, духовному и интеллектуальному совершенству; устремление к признанию в любви и построению на её основе прочной семьи; стремление к признанию в коллективе, к всенародному признанию. Следовательно, главная задача человека — вырасти здоровым и научиться любить. Любовь — сложнейшее чувство, состоящее из двух частей: из полового инстинкта и сознания. Половой инстинкт — базис, сознание формирует любовный ритуал, это надстройка, которая может быть или наспех сколоченным балаганом, или ажурным дворцом, шпилем своим упирающимся в солнце.

Счастье в любви возможно, если любовь с годами не уменьшается. Увы, рост любви не обеспечивается половым инстинктом, который с возрастом слабеет. Рост любви возможен лишь за счет сознания — любовного ритуала, но это происходит лишь при соблюдении трёх условий: взаимности, верности, жертвенности.

В самом деле, о какой любви можно говорить, если чувства партнёров не взаимны. Одножелания любви, одной готовности к ней недостаточно, а ведь именно желание по недоразумению и принято называть любовью. Говорить о любви без взаимности — это значит принимать желаемое за действительное. В таком случае, почему не влюбиться в королеву или фараона?

Любовь можно сравнить с вольтовой дугой между двумя электродами, у каждого электрода есть свой потенциал — готовность и способность к созданию «огня» — любви, но готовность и способность ещё не любовь. Кто не добивался взаимности, тот не изведал любви.

Второе условие любви — верность. Верность обеспечивает надёжность любовных угод, а это биологическая точка опоры в жизни, нет её — и нет уверенности в себе, нет стимула к саморазвитию, нет чувства собственного достоинства. Измена, предательство, неверность способны вызывать самые низменные мысли, слова и поступки, разрушающие не только любовь, но и нередко жизнь. Верность, преданность

в любви, отсутствие пресловутого «треугольника» — не влияют на фундамент любви, но зато способствуют росту надстройки, росту любви в целом; и наоборот, неверность, предательство разрушает ажурное здание любви, и тогда отношения между партнерами держатся лишь на сексе. Желание половой близости гасит ревность и обиды, которые после полового удовлетворения вспыхивают с новой силой. Самое разумное в таких случаях — разрыв и поиск более счастливого сочетания, иначе вся жизнь превращается в пытку. Даже такой броневой довод, как дети, не действует в трети случаев семей, обречённых на разрушение. Так не лучше ли с первых же шагов быть максималистом: или всё, или ничего. Человечество ещё не созрело для моногамной любви, но ежесуточное заражение полмиллиона землян венерическими заболеваниями рано или поздно подтолкнёт к моногамии, сработает не сознание, а, прежде всего, инстинкт самосохранения, что уже было в доцивилизированную эру, когда правил бал промискуитет, и когда пришлось поневоле от него отказаться.

Первое положение биосоционики гласит: траектория эволюции человечества направлена от человека-зверя к Богочеловеку, то есть к повышению удельного веса духовности, следовательно, в последующих веках цена любви будет возрастать, увеличиваться будет и число людей, способных к любви.

В наше время среди славян, которых можно причислить к духовной нации, имеется от 10 до 20% людей, способных ограничивать себя, руководить своими инстинктами, 20% — это коэффициент интеллигентности нации. Значит в настоящее время лишь один-два человека из десяти способны к любви, в том смысле, который здесь излагается, то есть один-два человека из десяти способны к взаимности, верности, жертвенности. Для любви больше всего подходят сангвиники и флегматики, но такие типы почти всегда отесняются с арены любви истероидными психопатами, которые в силу своего эгоизма, эгоцентризма не останавливаются ни перед чем на пути к своей цели. Это люди, типа Германа из «Пиковой дамы» Пушкина, люди ущербные, прежде всего, в нравственном, духовном, психологическом плане, но именно они

становятся героями литературных и жизненных любовных романов, которые кончаются, как правило, если не трагически, то разрывом из-за неспособности истероидных психопатов к постоянству и жертвенности. Так что выбор любовного партнёра — это не инстинктивный, а психологический акт; поторопишься, не дождёшься своей «половинки» — беды не избежать, ведь истероидные психопаты хороши лишь до первого свидания, но из-за неустойчивости и слабости нервных процессов они постоянно нуждаются в смене своих впечатлений, поэтому влюбляются снова и снова. Богема почти сплошь состоит из такого сорта людей.

Третье условие любви — жертвенность, которую следует понимать и в биологическом смысле, когда делается всё, чтобы удовлетворить друг друга, и когда может пригодиться Кама-сутра; и в социальном, когда на первое место, как правило, ставятся интересы любви и семьи. Сколько жён страдает в унижении от «деловых» встреч своих мужей. «Дельцы» создают себе карьеру, но остаются без любви. Дела — эфемерны, истинная любовь — вечна. На постижение любви недостаточно и жизни, многие, прожив век, и не подозревают об неисчерпаемости любви.

Сексология — инструмент любви, в чистых руках она множит восторги, а в грязных — превращается в порнографию. Техника любви, искусство любви могут усилить её, и всё-таки не охлаждающиеся в течение десятков лет отношения между супругами поддерживаются не сексом, а духовностью, проявляющейся триадой любви: взаимностью, верностью, жертвенностью.

Может показаться, что такие партнёры обкрадывают себя, ограничиваясь друг другом, но кто мешает им как угодно разнообразить свои отношения вплоть до перевоплощения в определённые типажи: от самых благородных до самых вульгарных с соответствующим набором слов и действий. Такая игра позволит говорить и делать такое, что в обычной ипостаси данным партнёрам не присуще, но что может весьма интересовать одну из сторон или обоих. В поисках утех на стороне — не только проблема потерянного здоровья, но и потеря семейной точки

опоры. Многие думают, что стоит обеспечить себя материально, добиться определённого общественного положения, как любовь, здоровье и счастье приложатся сами собой — жалкое заблуждение. Не только в питье и пище человек нуждается постоянно, ему всегда потребны и почёт, и уважение, и ласка, а наиболее реальное их получение для большинства возможно лишь в семье. Увы, супруги соблюдают более или менее ритуал ухаживания и величания только до оформления брака, после чего нередко половые отношения складываются буднично, между прочим, как отправления физиологических нужд. Но даже у животных случке предшествует ритуал ухаживания, и происходит это всегда. Существует дремучее заблуждение, что истинная любовь не нуждается в словах, но слова — хлеб любви! Влюблённые потому лишь не скучают вместе, что постоянно говорят друг о друге. Слушать в свой адрес лестное никогда не надоест, и обоим на пользу. Тверди партнёру, что он красив, добр, ласков, и он сделается таковым (о подонках речь не идёт). Конечно же, партнёры должны соответствовать один другому по главным параметрам: физически, психологически, нравственно, культурно. Мужчина более нуждается в зрительной пище, женщине нужны прикосновения. Дай русской женщине искусство завлекать — более действенной красоты в мире не сыщешь, ведь по глубине характера, великодушью, доброте, одухотворённости равной ей нет.

Любовь — чувство эгоистичное, требующее к себе постоянного внимания и немало сил, когда всё прочее остаётся в стороне. Вот почему любовь никогда не бывает в фаворе ни у религий, ни у политиков, но ни религия, ни политика не способны давать человеку столько тепла и счастья, как любовь; это самое выгодное вложение морального и духовного капитала, да и физического тоже. Человек, не создавший благополучия в семье, на любовном фронте, никогда не достигает истинного счастья в жизни, потому что только удовлетворение инстинктов самосохранения, пищевого и полового способно создать внутреннюю гармонию, которую никакими эрзацами вымышленных моделей счастья не заменить. Разные люди развиваются по-разному, но каковы бы ни были скорости и параметры развития супругов, главное состоит

в том, чтобы их самосовершенствование не прекращалось никогда. Как только прекращается работа над собой — начинается скольжение вниз. Думать, что супружеские узы освобождают от стараний заслужить любовь и благодарность своей половине — ошибка многих. Заслужить комплимент от ближайшего человека, знающего всю твою подноготную, — победа, добиться обожания, преклонения — триумф.

В любви весьма важна ритмичность, вернее — аритмичность. Милая старая уловка мудрых родителей: после медового месяца молодого супруга под каким-либо благовидным предлогом отсылать от жены подальше. По сути задача стоит одна — не допустить пресыщения, а главное — ослабления организма, когда включается механизм самозащиты — раздражение и даже ненависть к партнёру. Женщинам это надо всегда иметь в виду!

Бывает, что оба супруга или один из них работает на износ. О какой любви может идти речь?! Не лучше ли жить поскромнее, но больше времени и сил отдавать друг другу? Жизнь проявляется лишь в сегодняшнем дне, жить вчерашним или завтрашним (мечта, цель, разумеется, нужны), обкрадывая день сегодняшний — значит обкрадывать всю жизнь. Сегодняшний день должен быть украшен любовью, дружбой и лишь после этого, если имеются возможности, всем остальным. Важна перспектива. Донжуанство, проституция не имеют будущего, а потому и обречены на опустошение, неверие, одиночество. Другое дело — дарить любовь своему единственному партнёру с верой, что и у него ты — одна на всю жизнь. Это и сладость гарантированного общения, которое в силу преданности растёт с годами в цене, это и надёжность усад, что множит уверенность в себе, в своих силах, в устойчивости своего положения, своей жизни, в значительности своей личности. Глубинная психологическая устойчивость — это и есть фундамент счастья. Счастье или несчастье лежат не вне, а внутри нас, поэтому погоня за внешними атрибутами благополучия — наивны (вся американская мишура преуспевания: улыбочка, блеск зубов, престижная упаковка тела — самообман). К сожалению, наживку искусственной американской субкультуры заглотили многие народы, имеющие свою древнюю

и высокую культуру. Как же нужна выработка иммунитета от пошлых и пришлых влияний, как важно не унизиться до равенства мужчины и женщины, превратившись в стандартную сущность без изюминки, без самобытности, без исключительности. Как же такому инкубаторному существу надеяться на незаменимость в любви?

Современная западная цивилизация приводит не только к нивелировке отдельных особей, но и к нивелировке полов: идёт феминизация мужчин, дефеминизация женщин, порой и не различить ни по силуэту, ни по причёске, ни по одежде, ни по обуви, ни по манерам, кто перед тобой — он или она, усиливается психопатизация не только отдельных лиц, но и всего общества в целом, всей культуры. Крик, визг, писк, демонстрация голого тела и физиологических актов. Помочиться на сцене, продемонстрировать половое сношение — это уже для современных «жрецов» искусства не проблема — и не сказка, а быль про «голого короля», за которым, спустив портки, устремились обожатели западной культуры.

Политика и религия уводят человека от естественной жизни, разъединяют людей на партии, конфессии, кланы, сеют между ними вражду и смерть. Стремление найти социальное или религиозное решение счастья абсурдно. Путь к нему — не столбовая дорога так называемого «прогресса», к счастью не подойти строем под команды унтер-офицера, счастье — бесконечное восхождение по узкой тропе, на которой третий — лишний. Мужчина и женщина сами по себе лишь половинки, каждая из которых в отдельности не может быть самодостаточной, счастье — в устойчивости парного союза, в гармонии инстинкта и сознания. Если проследить развитие человека, то во все тысячелетия главными жизненными вопросами были плодородие и деторождение, вот почему первый культ человека носил фаллический характер (поклонение детородным органам), а любовный ритуал был и остаётся главным жизненным ритуалом во всей природе, и лишь человек морочит себе голову различными политическими и религиозными прожектами.

С женской эмансипацией исчез культ женщины из личной и общественной жизни, а ведь у славян богиня-роженица Лада и Леля — мать

и дочь — всегда были самыми любимыми и почитаемыми богинями, отголоски их имён содержат множество старинных народных песен.

Истинная царица-женщина та, которая относится к мужчине само-забвенно и преданно, истинный государь-мужчина тот, кто служит своей даме верой и правдой. Да, действительно, счастье — в удовольствии, которое само по себе может быть и злым, принося болезни и беды, поэтому следует избегать удовольствий, приносящих неприятности. Можно терпеть и ограничения, и лишения, если в конечном счёте это окупится сторицей. Счастье — не в минутном наслаждении, а в гармонии жизненных начал на протяжении всей жизни, не интенсивность, а размеренность, не разврат и оргии, а надёжная улада. Богатство — не в большом имуществе, а в малых потребностях. Пища — самая простая и умеренная, душевные наслаждения — выше физических, а постоянная работа или хобби — смысл жизни, ведь безделье, ничегонеделанье — одно из самых разрушительных стрессов.

Биосоционика — «философский камень», с помощью которого можно ориентироваться не только в дне сегодняшнем, но и в завтрашнем. Многие, видя сексуальную и уголовную разнузданность, воят о конце света. Но конца света не предвидится, наоборот, после кризиса грядёт возрождение, наступит и возрождение России, гарантией которого являются её многотысячелетние традиции, её богатейший фольклор — восьмое чудо света, её языческое обожествление природы, берёзовых рощ и дубрав, водных источников и гор, её незлобивость и бескорыстие, одухотворённость и философичность. Основой новой цивилизации должна стать любовь, способная соединить людей самых разных национальностей, разных политических и религиозных взглядов, разных культур, разных социальных групп и возрастов. Да грядёт культ любви, культ Женщины!

Однако ничто не приходит само собой, за любовь надо бороться, любовь надо пропагандировать, любви надо учить. И первыми учителями любви являются родители. Но несчастные родители не научат счастьем детей. Юноша, выросший без матери, без сестёр, девушка, выросшая без отца, без братьев, — не совсем подходящий материал для

создания счастливой семьи, и тем не менее в любой семье должны царить доброта, ласка, взаимное внимание, жертвенность.

Главный возраст любви — детский, когда закладывается это чувство. Ребёнок, ещё не родившись, связан с матерью единой кровеносной системой, физически образуя единый организм, после рождения — это уже два организма, но взаимозависимых, составляющих живой комплекс — пару. Именно в этой физическо-физиологической и духовной связи матери и ребёнка заложены основы сексуальности, биологический и исторический механизм любви. Чем более эмоциональны отношения матери и ребенка, тем эффективнее будет дальнейшее её развитие, и не только в чувственном плане (умение любить), но и в интеллектуальном: чем богаче эмоциональная жизнь, тем лучше развивается мозг и вся нервная система. В племенах людоедов ласки и нежность не были приняты, но и в современных семьях нежность и преданность — нечастые гости.

Платон в трактате «Государство» предлагал систему государственного воспитания детей, минуя материнский, родительский этап. В жизнь эту систему попытался внедрить Гитлер, но получился конфуз: среди «инкубаторских» детей умственно отсталых оказалось в 4–5 раз больше, чем в обычных семьях. Вот тебе и «высшая раса»! Лишиться материнской ласки для ребёнка до 5–7 лет — утрата почти невозполнимая, ведь мать — первый объект любви и первый субъект любви.

Любовь не возникает в готовом виде, прежде чем осуществится цель полового инстинкта — воссоединение женской и мужской половых клеток, половое влечение (либидо) претерпевает различные этапы развития, подобно тому, как происходят метаморфозы у бабочек: гусеница — куколка — мотылёк.

Очень важно знать, что инстинкты состоят из двух противоположных влечений. Инстинкт самосохранения складывается из сил самосохранения и саморазрушения («инстинкт смерти»), пищевой инстинкт — из голода и анорексии (отказ от пищи), половой — из любви и ненависти. В норме они сбалансированы, но при неправильном воспитании, при невротических состояниях они способны расщепляться,

проявляясь различными патологическими состояниями: садизм — мазохизм, булимия (обжорство) — анорексия (полный отказ от пищи), эротическая торпидность (фригидность) — сексуальное маниакальное влечение.

С каждым тысячелетием роды у женщин становятся всё тяжелее, прежде всего из-за увеличения головного мозга плода, а также от перекормливания плода, поскольку роженицу не ограничивают в еде. Акт рождения проходит на грани жизни и смерти. Плод, до этого испытывающий абсолютный комфорт («райская жизнь»), вдруг подвергается сдавлению сокращающейся маткой, плодный пузырь прорывается, исходят околоплодные воды. Что должен при этом испытывать плод? Засасывание, поглощение, водовороты и — свет в конце туннеля. Это и есть подлинный «ад». Прохождение через шейку матки — самый трудный этап рождения, нередко протекающий с удушьем, с потерей сознания (кратковременная «смерть»), к тому же плод подвергается воздействию различных выделений, имеющих место при родах. Если у плода не было потери сознания, то ощущение «апокалипсиса» всё равно неизбежно. И вот после эсхатологического «страшного суда» новорождённый («воскресший») вдруг ощущает яркий свет, неизвестный доселе и празднует своё воскресение громким криком, кличем победы.

Все родовые передряги для новорождённого не исчезают бесследно: отложившись на дне памяти, они в каких-то ситуациях (клиническая смерть, религиозный экстаз, приём галлюциногенных средств: ЛСД, конопля, белладонны, дурмана, мандрагоры, белены, кактуса, мухомора и др.) могут всплыть в «воспалённом» сознании в виде мистических (религиозных) трансцендентных видений «рая», «ада», «страшного суда», «смерти», «воскресения», то есть всего того, что составляет содержание любой религии. Кроме того, религию питает правополушарный тип мышления, на котором человек находился в дописьменный период своего развития, и который имеет место у ребёнка дошкольного возраста, при этом правое и левое полушария головного мозга ещё не объединены в единую мыслительную структуру и действуют параллельно, поэтому различные фантазии и галлюцинации воспринимают-

ся как реальность (вот откуда «беседы пророка с Богом», «глас божий», «видения», «знамения» и пр.). И тем не менее, даже понимая механизм возникновения религий, человек вряд ли освободится от мистических и трансцендентных ощущений, потому что они вложены в него с рождения.

Религиозное учение о «первородном грехе» исходит из ошибочного положения, что человек изначально был ангельским созданием. Прошло более десятка миллиона лет, прежде чем из дикого зверя — гоминида — произошёл «гомо сапиенс» — человек разумный, и на этом пути пришлось отказаться от кровосмешения, от людоедства, от приношения человеческих жертв и пр.

Так же невежественно думать, что ребёнок рождается «ангелочком». Он рождается зверьком со всеми звериными замашками, в чём легко убедиться, понаблюдав за детёнышами человека и шимпанзе. Но это несколько не умаляет самооценности ребёнка, ведь из него может вырасти Гермес, Орфей, Пифагор, Эпикур, Леонардо да Винчи, Суворов, Ломоносов, Бах, Пушкин, Вавилов, Шалапин...

Первый инструмент воспитания ребёнка — любовь и ласка, второй инструмент — запреты (табу). У первобытных людей были свои «табу», а исходили они от вождей, для ребёнка таким вождём является отец. Постепенно различные «нельзя» (ограничения инстинктов) формируют собственный внутренний контроль. Не всегда, что хочется — можно. Чтобы руководить инстинктами, надо с раннего возраста научиться преодолевать страх, голод, жажду, уметь отказываться от «вредных» для здоровья и безнравственных удовольствий.

Сексуальная практика необходима, поэтому девочки тянутся к отцу, мальчики — к матери, но после семи лет они должны погружаться в коллективное воспитание. Надо уметь держать ребёнка в поле зрения всегда, а еще нужно уметь не наказывать детей, ведь они не виноваты, что родились с животными инстинктами, а если ещё не умеют ими руководить и скрывать их, то научите, прежде всего, своим примером и всем семейным укладом.

Ребёнок не должен слоняться из угла в угол, думая, что бы ещё

такого вкусенького поест. Дети обязаны знать, кем им быть, чтобы свою судьбу строить с дошкольных лет. Без культа Матери в семье, без культа Отца воспитание не может быть полноценным. Заранее следует взращивать идеал своей будущей любви, зная при этом, что такие типы людей, как Герман, как Анна Каренина не способны принести ни любви, ни счастья, ни крепкой благополучной семьи, как бы красивы, богаты, знамениты они ни были.

Юноше пристало быть мужественным, великодушным, защитником семьи и Отчизны, девушке приличествует быть женственной, покладистой, хранительницей семейного очага. Насколько способны они проявить свои изначальные природные качества, национальное самознание, в такой степени и удается им жизнь.

Однако критерии идеального и в личностных характеристиках, и в культурных, и в сексуальных у разных народов в различные эпохи различаются весьма и весьма. По сути секс, а точнее, либидо сформировало человеческое общество, человеческую культуру. Половые потребности положили начало языку и пению, как и у птиц. Вторым толчком для развития языка стала совместная производственная деятельность, начиная с охоты.

Со временем секс у человека становится самоцелью, из него развивается любовь. У женщин появляется оргазм (у самок животных его нет). С появлением любовного чувства секс входит в разряд духовной жизни, а глубокое развитие эмоций стимулировало мыслительные способности.

Очень много для развития любви сделало рыцарство, культивировавшее романтическую любовь — преклонение и служение «даме сердца», поэтому до сих пор статус «рыцаря» высоко котируется.

У разных народов и культур секс и любовь по-разному соотносятся: у одних секс осуждается (христианские культуры, буддизм), у других — главенствует секс и отсутствует понятие о любви (некоторые примитивные культуры народов Африки), третьи — интегрируют секс и любовь в единое диалектическое чувство, которому и принадлежит будущее. Примером гармонического сочетания сексуальной культуры

является тантризм в Индии, который на протяжении нескольких тысячелетий не изменяет себе, исповедуя единство секса как свойства тела и любви, как состояния духа, секс — не цель, а путь к духовному преображению.

В искусстве тантризма широко распространены эротические сюжеты: половое соединение божественной пары — Кали и Шивы и первых возлюбленных — Радхи и Кришны. В сексуальном лексиконе тантризма, а также в китайском Дао любви нет сексуально грязных слов. Кстати, у них нет и сексуальных расстройств.

И всё-таки первыми секс-художниками были земляне эпохи палеолита, которые 30 тысяч лет тому назад в наскальных рисунках запечатлели эротические сюжеты. В более поздние эпохи создавались скульптурные изображения мужских и женских половых органов, которым поклонялись, ведь фаллический культ возник одним из первых, с ним и связано зарождение человеческой культуры.

Культура вообще и сексуальная культура, в частности, — понятия исторические, можно выделить несколько основных этапов в их развитии:

1. Первый этап — инстинктивный, длившийся 3–2 миллиона лет, когда сформировался «гомо сапиенс» (человек разумный), который хотя и обособился среди животных в высший вид, благодаря выработке навыков по изготовлению орудий труда и охоты, использованию шкур для одежды, возведению жилищ, но в сексуальном плане вел инстинктивную жизнь, прибегая к беспорядочным половым связям, в том числе и близкородственным (промискуитет), что вело в конечном счете к вырождению;

2. Второй этап — культурный, упорядочение половых отношений, длящийся сотни тысяч лет, когда близкородственные половые связи постепенно вытеснялись групповыми и дуально-групповыми браками, когда женщины одного племени в определенное время (оргастические праздники, типа купальских) встречались с мужчинами другого племени. Нередко на данном этапе исключение кровосмешения решалось варварским способом — молодые муж-

ские особи кастрировались главой семьи или изгонялись из общины (стада);

3. **Третий этап — религиозный**, приходящийся на последние тысячелетия до н. э., когда сексуальная политика проводилась на религиозной основе в интересах жрецов, которые стали насаждать храмовую проституцию, приносящую огромные доходы;

4. **Четвёртый этап — морально-этический**, пик которого пришелся на середину 1-го тысячелетия до н. э., когда произошёл всплеск общей духовности человечества в учениях и деяниях Гермеса, Рамы, Заратустры, Пифагора, Платона, Эпикура, Конфуция, Лао-цзы, Будды. Они наметили пути духовного совершенствования человечества, впервые пытаясь согласовать индивидуальное развитие личности с общей направленностью эволюции — от человека-зверя к Богочеловеку (первое положение биосоционики), но все их усилия по «очеловечиванию общества» оказались тщетными из-за крайней порочности, эгоизма, властолюбия и жадности жреческой касты, которая диктовала населению свою корыстную политику;

5. **Пятый этап — цивилизационный**, проходящий и в наши дни, когда развиваются кризисные процессы во многих областях общественной жизни, в том числе и в сексуальной культуре, кризис которой резко обострился с проведением так называемой «сексуальной революции»;

6, 7. **Шестой этап — переходный**, который должен наступить в ближайшие десятилетия, как восхождение к седьмому этапу — духовному, о котором мечтали 3–2 тысячи лет Богочеловеки. Царство Любви, царство Духа неизбежно, и новая духовно-творческая цивилизация на основе биосоционики воцарится, прежде всего, именно у нас, в России.

Общая картина сексуального многоэтапного развития человеческого общества будет неполной без иллюстраций и фактического материала. К сожалению, больше всего накопилось примеров не духовности, а порочности людей, и, прежде всего, среди жрецов, которые свои храмы превращали в вертепы.

У всех древних народов фаллический культ возникал одним из первых, о чём свидетельствуют и палеолитические наскальные рисунки, и скульптурные изображения мужских и женских половых органов, в частности в Индии существовал культ Лингама (мужского полового органа), который изображался в виде цилиндрического тела, помещенного в вазу (женское начало), покоящейся на пьедестале (божественное начало), в этом триединстве — божественного (Брахма), женского (Вишну), мужского (Шива) — вся ведическая философия. Но как практически проводили её в жизнь индийские жрецы (брамины)? При храмах они содержали для своей услады танцовщиц — баядер. Вот как говорит о них Рейналь: «Индийские танцовщицы-баядеры жили целыми группами в особых учреждениях. Самые лучшие общежития этого рода находились при богатых многопосещаемых храмах. Назначение баядер было танцевать в пагодах и на празднествах, а также удовлетворять желания браминов. С целью замаскировать их распутный образ жизни, всех этих женщин объявляли служительницами алтарей».

Аппетиты браминов не ограничивались баядерами — девушка, готовящая выйти замуж, должна была ночь провести в храме для «освященного соединения с божеством», функции которого под покровом темноты совершал брамин, внушая ей нужное пророчество, с которым взамен потерянной девственности возвращалась невеста в дом родителей.

Самые разнузданные формы храмовой проституции имели место в Малой Азии, в безызвестной Вавилонии, столицы Ассирийского царства. Геродот писал: «Девушки Вавилона были обязаны один раз в жизни в храме Милитты (богини любви) отдаваться за деньги чужестранцу. Знатные женщины, гордые своим богатством, не хотели смешиваться с другими и приезжали в храм в закрытых колесницах... Но большинство женщин оставались в окружающих храм аллеях, с венком из цветов на голове... Когда женщина заняла здесь место, она не смеет уходить отсюда раньше, чем не отдастся какому-нибудь чужестранцу; последний даёт ей денег, говоря: «Я призываю богиню Милитту»... Стройные и красивые женщины пребывают в храме недолго, некрасивые же остаются там в продолжение трёх и четырёх лет!»

Храм Милитты в Вавилоне не вмещал всех поклонников богини. И приезжие, и проститутки обжили огромную площадь вокруг храма с рощами, садами, бассейнами. Вавилон в несколько миллионов человек оказался центром невиданного разврата. Квинт Курций свидетельствовал: «Нельзя себе представить ничего более распутного, чем этот народ; не может быть большей утонченности в искусстве утех и сладострастия. Отцы и матери мирились с тем, что их дочери за деньги продавали гостям свои ласки, мужья спокойно относились к проституированию своих жён. Вавилоняне были погружены в пьянство и во все бесчинства, связанные с этим. Женщины на пиру снимали свои верхние одежды, потом остальное платье, одно за другим, мало-помалу обнажали своё тело и наконец оставались совершенно нагими. И так распущенно вели себя не публичные женщины, а самые знатные дамы и их дочери». Вот что значит короткая фраза — «Вавилонская блудница».

Радетелям религиозной духовности нелишне знать, что проституция в различных странах насаждали жрецы, и процветала она именно в храмах (в Шумерах, Вавилоне, в Египте, в Иудее, в Индии и т. д.). Первые цивилизации не блистали в связи с этим нравственностью, например, в Шумерах распространён был гомосексуализм, орализм, зоофилия, но с появлением здесь персов (VI в. до н. э.) всё это жестоко преследовалось: зороастризм, который унаследовали персы, осуждал секс в любых видах.

У древних евреев секс осуждался, но и безбрачие тоже, за неверность жён полагалась смерть. Правда, для царей закон не писан: как известно, у Соломона имелось 700 жён и 300 наложниц. Ветхозаветные правила полностью распространились и на христианство, которое во многом повлияло на сексуальную жизнь народов Европы (ригоризм, вуританство, викторианство калёным железом выжигали эротические бредни из мыслей и действий своей паствы), не от того ли и грянула «сексуальная революция»? Но жили ли и сами евреи по «Ветхому Завету»? Разве не еврейские города Содом и Гоморра сплошь погрязли в гомосексуализме? На два города нашёлся лишь один «праведник», не

замеченный в содомском грехе, а потому и спасённый богом, но не от Лота ли, отца своего, забеременели обе его дочери? По многим фактам из «Ветхого Завета» можно судить, что Иов, Давид, Соломон были си-филификами.

В древнем Египте хоть и провозглашалась моногамия (не для высшей знати), но до целомудренности не додумались, имела место мастурбация, орализм, анализм, зоофилия, рабам отрезали половой член, чтобы унижить их.

В Египте поклонялись Приапу (Лингаму, фаллосу), наиболее разнужданные оргии проходили во время праздника, посвящённого Изиде. Жрецы Изиды вовлекали в самый изощрённый разврат неопитов обоёго пола, чаще всего происходило это в подземельях храмов. Сами храмы и их окрестности ежегодно принимали до семисот тысяч паломников, которых привлекала не служба богам, а оргии с храмовыми проститутками, доходы шли полностью жрецам.

Геродот писал, что в разврате погрязла и элита общества. Так фараон Хеопс, разорившись на постройке своей пирамиды, заставил свою дочь заниматься проституцией, чтобы выжимать из своих любовников как можно больше денег. Известно, что и сама Клеопатра дорого продавала свои ласки: Цезарь предложил ей египетский престол, Антоний — несколько восточных провинций Рима. Среди богатейших куртизанок Египта можно выделить Родопсис, которая построила Мицеринскую пирамиду; Архидику, которая за свои ласки требовала целое состояние.

В Египте существовал, как и в Индии, высший класс женщин, услаждавших на празднествах публику игрой на музыкальных инструментах (кивалы, флейты), пением, танцем.

Алмеи (так они назывались) считались высшим символом женской чувственности, красоты, таланта.

Богиня любви в Древней Греции была одной из древнейших богжеств, причем греки различали небесную богиню любви (Уранию) и земную, чувственную (Пандемос), родившуюся из пены морской (культ её занесен в Грецию с острова Кипр, который всегда почитался

как остров Афродиты — Киприды).

Всю древнегреческую культуру можно назвать аполлоновой: жизнерадостное светлое начало, культ обнажённого тела; фаллос — символ плодородия и вовсе не постыдная часть тела — изображался на домах, в публичных местах, на различных предметах. Наряду с эротизмом имелись и аскетические течения (стоицизм, гедонизм).

Хотя в Древней Греции храмовая проституция имела место, но она не дошла до такой чудовищной масштабности и цинизма, как в Вавилоне и Египте, прежде всего потому, что правитель Греции Солон (один из семи мудрецов света), чтобы охранить честь женщин и целомудрие девушек, а также удержать юношей и мужчин от педерастии, создал Институт легальной проституции под контролем государства. Проститутки закупали в азиатских странах, дома, в которых находились они, назывались диктерионами, вскоре ставшие весьма популярными среди греков.

Поэт Филемон так воспел сие деяние: «О Солон, ты был истинным благодетелем рода человеческого, так как, говорят, ты первый подумал о том, что так важно для народа или вернее для спасения народа».

Диктерионы приносили большие доходы их владельцам. Общественный разврат во все эпохи был самым доходным бизнесом. Истину эту открыли жрецы, зарабатывавшие на храмовой проституции баснословные богатства.

Диктерионы были неприкосновенными, пребывание в них не считалось развратом: «У этих прекрасных девушек ты можешь получить удовольствие за несколько золотых монет, и к тому же без малейшей для себя опасности» (Эвбулид). «Избавьте общество от публичных женщин и вы увидите, что разврат будет врываться повсюду» (Св. Фома).

Древнегреческую мораль донёс до нас Демосфен: «У нас есть куртизанки для наслаждений, наложницы (слуги), которые заботятся о нас, и супруги, которые рожают детей и верно охраняют внутренний строй наших домов».

В Греции был город, где почти все женщины занимались проституцией, здесь совершенствовали своё мастерство все гетеры и диктериа-

ды. Гораций предупреждал: «Не всем смертным можно отправляться в Коринф».

Диктериады появлялись в положенных для них местах, они не могли носить тунику, пеплум (одежду матрон), одежды у них должны быть из ярких, пёстрых, кричащих тканей с приколотыми букетами цветов, волосы должны быть выкрашены в желтый (шафрановый) цвет, гражданских прав эти несчастные женщины не имели.

Наиболее популярными считались авлетриды — куртизанки, умеющие играть на флейте, танцевать, петь, в совершенстве владеющие искусством увлекать, вводить в экстаз. Среди авлетрид, этих художественных утончённых натур, реже всего встречались алчные и циничные, и тем не менее они одарялись очень щедро, поэтому часто имели огромные состояния. Самой знаменитой среди них была Ламиа, флейтистка из Египта, любовница Птолемея, царя Египта.

Но царь македонский Димитрий, победив, отобрал у него Ламию. Когда Димитрий захватил и Афины, то наложил на столицу Греции огромную контрибуцию, и всё золото кинул к ногам Ламии: «Отдайте его Ламии, это ей на туалетное мыло». После её смерти афиняне воздвигли статую Венеры-Ламии, запечатлевшую божественную красоту авлетриды.

Но самыми знаменитыми женщинами мира были представительницы гетер, подруг сильных мира сего. Куртизанок, подобных гетерам, ни до них, ни после них уже не было. Они обладали не только утончённой чувственностью, разнообразными артистическими талантами, но и глубоким гибким умом, познаниями в философии и прочих науках, во всяком случае — наиболее известные из них, прежде всего Аспазия, в доме которой встречались Сократ, Перикл, Алкивиад, Фидий, Анаксагор — весь цвет афинской аристократии. Аспазия, являясь любовницей Перикла, управляла фактически страной, решая вопросы войны и мира, разрешая все спорные вопросы литературы и искусства, задавала тон жизни для мужчин, оставаясь законодательницей мод для женщин. Пятый век до н. э. — «век Перикла», золотой век Афинской республики, период высшего расцвета литературы и искусства, торжества могущества государства и армии. Так вот с полным правом «век Перикла»

можно назвать и «веком Аспазии».

У Аспазии, конечно, имелось немало завистников и врагов, особенно среди женщин. Обвинение в безнравственности, оскорблении богов было равносильно смерти, и Аспазия предстала перед ареопагом, но суровых судей Перикл, правитель Афин, на коленях умолил пощадить Аспазию, которая, в конце концов, стала его женой.

Ещё большей физической красотой обладала Фрина, гетера, с которой создали свои легендарные образы богинь Аполлона и Пракситель. На празднестве, посвящённом Посейдону и Афродите, Фрина сама превращалась в богиню, выходя обнажённая из пены морской на берег, и проходила сквозь обезумевшую от восторга толпу...

Золотой век Древней Греции — век Перикла-Аспазии — оказался вершиной античной истории и сексуальной культуры. Сменившая древнегреческую цивилизацию древнеримская, которая несмотря на огромные материальные приобретения в результате грабительских войн, несмотря на пышность и великолепие многочисленных дворцов, несмотря на восприятие греческих, этрусских мифологических традиций (увы, формальное), не только не смогла превзойти свою предшественницу, но и хотя бы удержаться на равной высоте.

Покорив полмира, Рим утонул в богатстве и роскоши; и если бы тогда кто-либо заикнулся о крахе могущественнейшей Римской империи, его подняли бы на смех, а затем и на пики. Но Рим пал даже раньше, чем можно было предполагать, а сгнил он изнутри, ведь сила не в мраморных колоннах дворцов, не в количестве покорённых стран и народов, а в моральных устоях государства. Америка нынче идёт по стопам Рима, и ничто не удержит её от саморазрушения: ни захваченные мировые запасы сырья, ни скупленные «мозги», ни заарканенные таланты. Разве мадонны, джексоны, шварцнегеры способны отрезвить, всколыхнуть нацию?

Сколько бы не упражнялись американцы в сексуальных извращениях, киллерстве, суперменстве, они навсегда останутся лишь жалкой копией и фарсом всего того, что происходило в Риме в период его заката.

О нравственности римлян можно судить по праздникам. Вот как, например, проходили «флоралии» — праздник в честь знаменитой «волчицы» (проститутки), которую взял в жёны патриций Таруций, и которая оставила Риму свое огромное состояние.

В цирке собирались проститутки со всего города, пришедшие в одеждах, накинутах на голое тело; под звуки трубачей они выходили на арену и сбрасывали одежды, и принимались выставлять на потребу всем своё бесстыдство и наготу, бегая, танцуя, кидая друг друга на песок, приводя в неистовство зрителей; затем на арену под звуки труб выбегали голые мужчины, и начиналось разнузданное публичное совокупление.

О самых извращённых пороках римских правителей всем известно; например, Цезаря называли мужем всех женщин, женой всех мужчин.

Достойным символом римской жизни служит «житие и деяния» Мессалины. Валерия Мессалина принадлежала к высшей римской аристократии. Отец её — консул Мессала Барбата, приверженец Бахуса, мать Доминиция Лепида — одна из самых развратнейших женщин Рима, занимавшаяся к тому же черной магией, то есть умением изготавливать яды и применять их по необходимости, подмешивая их в напитки и яства.

Девушку-красавицу быстро выделили при дворе, и Мессалина стала пятой женой императора Клавдия. В первую же брачную ночь Клавдий, напившись, проспал мертвецким сном, а молодая жена, выпорхнув в сад, отдалась первому попавшемуся на её пути — египтянину-невольнику Измаилу. Свидетелем её измены оказался секретарь Клавдия Нарцисс, который стал не только её постоянным любовником, но и ловким сводником (сексуальными стряпчим), доставлявшим в спальню императорши всё новых и новых сексуальных партнёров, числом в общей сложности до сотни. Некоторых, насытившись (или наоборот, не удовлетворившись), Мессалина сбрасывала с балкона.

Те, кто отказывался от её домогательств (были и такие), так или иначе уходили из жизни. Придворный мим и плясун на канате Мнестер для вдохновения в любовных утехх предложил Мессалине группо-

вой секс, от которого она уже не отказывалась никогда. Вскоре и этого ей оказалось мало: по ночам она тайно уходила из дворца в парике и одеждах проститутки под именем Лициски и торговала собой в грязном лупинарии, где имела свою коморку с охапкой соломы на полу, покрытой грубой простыней. Приходила первой, уходила последней. Чем бы ещё прославилась Мессалина, если бы не очередная страсть к консулу Силию и свадьба с ним (при живом муже-императоре), более того, она вознамерилась посадить любовника на трон и попыталась погубить Клавдия. Но вышло всё наоборот. Так кончилась жизнь одной из самых распутных женщин на земле.

В истории человечества всегда можно отыскать параллели к явлениям, и событиям, и личностям. То же можно сказать и о жрицах любви.

В в. до н. э. — век Перикла и Аспазии — апогей античной цивилизации.

У более или менее сведущих в амурных историях не может не всплыть в памяти имя фактической правительницы Франции при Людовике XV — маркизы Помпадур, сумевшей два десятка лет держать в своих руках все нити придворных интриг, устранять соперниц и врагов, щедро одаривать друзей, прежде всего среди архитекторов, строителей, скульпторов, художников, с помощью которых она беспрерывно строила и перестраивала свои и королевские дворцы, что обошлось государству свыше тридцати миллионов ливров, в связи с чем Дидро, конечно, имел право сказать: «Итак, что осталось от этой женщины, которая погубила столько человеческих жизней, истратила столько денег, оставила нас без чести и энергии и разрушила политическую систему Европы?»

Родилась маркиза Помпадур в 1721-м году в семье интенданта Франсуа Пуассона, приговорённого к повешению за воровство и удравшего в Германию. Родители дали ей имя Жанна-Антуанетта; после бегства отца в её судьбе очень активное участие принимал генерал Ленорман-де-Турнехем, давший ей блестящее воспитание и образование и выдавший замуж за своего племянника Карла Ленормана д'Этиоля.

Как-то раз, когда Жанне было девять лет, гадалка предсказала, что

она станет фавориткой короля. С тех пор вся её жизнь была устремлена к этой цели. На своё замужество Жанна-Антуанетта смотрела как на ступеньку в придворной карьере.

Мадам Этиоль регулярно принимала в своём доме писателей, художников, в том числе и таких выдающихся, как Берни, Вольтер, Фонтенель, Габриэль, Бушэ, Монтескье, Ванлоо и других.

У неё была богатейшая библиотека, она постоянно скупала произведения искусства, мебель, саксонский и китайский фарфор; в конце концов решила создать фарфоровый завод в Севре, не уступавший саксонскому, построила типографию, театр, а в конце жизни — «Олений Парк» (маленький гарем для короля (с единственной целью — даже потеряв любовь короля, остаться у власти и дальше).

Своего отца господина Пуассона превращает в пэра Франции, своего брата — в маркиза де-Ведриер (впоследствии де-Мареньи), добивается отставки правительственных чиновников Орри, Машо, изгоняет иезуитов из Франции, при своём доме содержит штат в 60 человек, в том числе выездного лакея из старинного обедневшего дворянского рода.

Возможно, если бы не гадалка, мадам Этиоль вполне могла бы довольствоваться супружеством с Карлом, но все её мысли, все силы, всё кокетство и недюжинные таланты в искусстве были устремлены на другого — первого мужчину Франции, короля Людовика XV, вечно скучающего мужчину и циничного правителя. И она добилась своего, сделалась фавориткой короля и маркизой Помпадур, и единственной влиятельницей Франции, хорошо усвоившей девиз сюзерена: «После нас хоть потоп!».

Если во Франции первенство среди великих куртизанок безусловно принадлежало маркизе Помпадур, то в Англии такой женщиной была Эмма Гамильтон. В шесть лет Эмма, покинутая вместе с матерью своим отцом сэром Генри Лайоном, развозила на ослике кулёчки с углем и пасла овец, а в десять лет поступила в няньки. Мать Эммы Мери Лайон, надеясь на более престижную работу, устроила ее нянькой в Лондоне, но столица — не провинциальный Говарден, и Эмме пришлось натер-

петься всяких лишений по горло, в том числе и потерю невинности.

Эмма попадает к магнетизёру-шарлатану доктору Грехему во время «сеансов» которого она должна совершенно раздетой позировать в качестве Гебы-Вестины. Эмму увидели и оценили её божественную красоту художники Рейнольдс, Генсборо, Ромней. Всё лондонское общество упивалось красотой её тела.

Ромней пишет с неё Цирцею, а впоследствии еще 24 портрета и множество набросков и этюдов.

В 1791-м году Эмма становится супругой лорда Гамильтона, в это время её увидел Гёте и с восхищением поделился своим впечатлением: «С распущенными волосами, взяв две шали, она так меняет свои позы, жесты, выражения, что в конце концов думаешь, что это только сон... На коленях, стоя, сидя, лежа, серьезная, печальная, шаловливая, восторженная, кающаяся, пленительная, угрожающая, тревожная... Одно выражение следует за другим и из него вытекает...».

Леди Гамильтон с мужем живёт в Неаполе, где близко сходит-ся с королевским двором, становясь фактически подругой королевы Марии-Каролины (сестры вскоре казнённой Марии-Антуанетты), и не только подругой, но и поверенной всех её дел и ближайшей наперсницей, выполняя роль посредницы между Англией и Неаполем, над которым нависла тень Бонапарта. Для защиты от него Лондон прислал сюда адмирала Горацио Нельсона, который добивается победы над французами при Абукире, но торжество длится недолго, французы занимают Неаполь, а Мария-Каролина вынуждена не без помощи Гамильтона и Нельсона спастись бегством, а потом вновь вернуться с победой.

Эмма Гамильтон не была вольна в выборе своей судьбы: необходимость заставила её жить с Гревиллем, честолюбие — с лордом Гамильтоном, и только с Нельсоном она познала истинную любовь, пережила с ним триумф побед и самую большую горечь утраты — 21 октября при Трафальгаре Нельсон принёс Англии великую победу над франко-испанской эскадрой, но, увы, ценой своей жизни.

После смерти сэра Гамильтона и адмирала Нельсона Эмма осталась одна без средств к существованию и умерла в абсолютной нищете

на руках своей дочери Горации. Правительство Англии проигнорировало просьбу в завещании своего триумфатора Горацио Нельсона не оставить без поддержки свою любимую и свою дочь.

Сердце замирает от обиды и досады, когда обращаешься к русской истории за последнюю тысячу лет: почему России так «не везёт» с правителями?

С воцарением Рюриковичей и Романовых на русском престоле житья для истинных русичей не стало: установились не только гнёт и геноцид, но, может быть, и того горше — блуд и блудословие: все было поставлено с ног на голову, одну из самых блудливых и ничтожных жёнок на Руси нарекли немцы «Великой просветительницей России», а чтобы не поганить страницу самыми грязными словами, предоставлю слово об Екатерине II более сведущим авторам.

Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России. Возведённая на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила их за счёт народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сём отношении Екатерина заслуживает удивления потомства. Её великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало её владычество. Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве.

Со временем История оценит влияние её царствования на нравы, откроет жестокую деятельность её деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетённый наместниками, казну, расхищённую любовниками, покажет важные ошибки её в политической экономике, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами её столетия, и тогда голос оболыщённого Вольтера не избавит её славной памяти от проклятия России... От канцлера до последнего протоколиста — всё кралось и всё было продажно.

Таким образом развратная государыня развратила и своё государство.

Александр Пушкин (1799–1837). Поэт.

Можно ли представить, чтобы во главе Китая (Японии) оказались правители чуждой национальности, чтобы император, императрица были не китайцы (не японцы)?

В России же (более великой державе) свыше тысячи лет правят чужеземцы.

По какой логике существовал закон при Романовых, по которому императрицей не могла стать русская княжна?

Женой императора могла стать любая проходимка, лишь бы она не была русской; проститутку Марту Скавронскую Меншиков отобрал у солдат, а Пётр I — у него самого. Так появилась императрица России Екатерина I; немецкая принцесса самого захудалого рода Софья Фредерика Августа Анхальт-Цербстская не побрезговала выйти за полоумного Петра III, чтобы через его труп прийти к власти, абсолютной по блуду, неудержимой по гнёту, что не могло не вызвать всенародный бунт — пугачёвщину. А между тем в русскую историю Екатерина II вошла с имиджем «Великой просветительницы»; если по блуду, то — да, но можно ли назвать её просвещённой по иным признакам, если она в слове из трёх букв (ещё) делала четыре ошибки (ишчо)?

Когда же, наконец, Россия освободится от блудословия и блудодействия? Государству, партиям и религиям не выгодно, чтобы граждане устремлялись в личную жизнь. И всё же в последующие века доля личной жизни у землян будет расти, а материальная взаимозависимость будет уменьшаться, многодетных семей будет становиться всё меньше из-за перенаселённости планеты. Союз между женщиной и женщиной всё больше будет основываться на духовности — на трёх составляющих любви: взаимности, верности, жертвенности. Стремление к самостоятельности в любовных отношениях, в семье — антидиалектично; самая могучая энергия заключена в самых тесных связях.

Любое учение должно утверждаться в практической жизни автора. Эпикур на примере собственной высоконравственной, счастливой, со-

стоявшейся жизни показал действенность своих принципов, но, увы, эпикурейство не прижилось: слишком далеко ушёл он в своем развитии от основной массы человечества, которое и 23 столетия спустя всё ещё не готово к самоограничениям, поэтому-то и не может избавиться от страданий и болезней.

Все мои учения, все идеи вытекают из практики моей личной жизни. Если они не подводят меня, почему бы и другим не взять их на вооружение. Внутренне я верю в своё предназначение, кроме того, я знаю, что идеи могут материализовываться, всё зависит от меры желания и воли, рычагом же развития общества всегда являлись примеры. Армия Суворова никогда не проигрывала ни одного сражения, даже при десятикратном превосходстве противника, потому что руководствовалась личным примером своего полководца: «Мы — русские, какой восторг! Ура!»

В ведическом язычестве идеи любви являются наиболее глубокими из всех известных мировоззрений. Если у германских племён высшее божество Один олицетворяет войну, то высшее божество славян Род по сути сам представляет плодоносящее начало (в известном Збручском идоле имеет четыре лика на едином фаллосоподобном основании). Род сотворил весь мир, а вместе с ним и Любовь, разделившись на мужское (Сварог) и женское (Лада) начала.

Сменялись поколения богов и людей — развивалась и преображалась Любовь, являющаяся родником Рода, который «летом протёк от кроны, зимою не замерзал, живил той водою пьющих».

Любовь неоднозначна, она имеет и светлую, и тёмную стороны, находящиеся в диалектическом единстве. Из «Книги Коляды» известно, что три сестры: Леля, Жива, Марена (Любовь, Жизнь, Смерть) были превращены Скипером-зверем в чудовищ: «бела кожа у них — как елова кора, на них волос растёт — как ковыль трава». И это не метафоры, а знание этапов биологической эволюции, прежде, чем проросло чувство любви в прекрасных образах человека, в предшествующих стадиях развития живые существа были покрыты и твердым панцирем, и длинной шерстью, т. е. и в филогенезе, и в онтогенезе начальные ста-

дии — звериные, но человек в результате своего развития преодолевает инстинкты, с помощью любви способен достичь наивысших духовных высот. Любовь и Смерть — сёстры, и они всегда неразлучны. Многие ради любви способны пойти на смерть. Любовь, Жизнь и Смерть — вот три основы бытия.

Любовь явилась миру в образе Матери-Сва, она же и является символом России, о чем многократно говорится в «Велесовой книге», она постоянно устремлена в будущее, пытаясь увлечь русичей за собой.

Стремление к Любви в человеке заложено изначально, и с теми, кто служит ей верой и правдой, Любовь неразлучна, более того, она творит чудеса, будучи великим двигателем жизни в её творческом преобразовании.

Содержание

Счастье — это любовь	1
Стихи о любимой	12
Поэмы о любви	46
Роман в стихах о любви	72
Песни, романсы о любви	125
Учение о трёх составляющих любви	179

«Счастье — это любовь» — иллюстрированный поэтический сборник Бориса Терещенко

Главный редактор

Художественный редактор

Технический редактор

Дизайн и компьютерная вёрстка

Корректор

Анатолий Статейнов

Борис Терещенко

Анастасия Таран

Анастасия Таран

Борис Терещенко

Фотографии и репродукции картин:

Анатолий Статейнов, Пётр Статейнов, Павел Злотников

*На обложке — картина Бориса Терещенко «Вилина вода»,
на форзацах — его диптих «Алые паруса»*

Сдано в набор 15.04.2014

Подписано в печать 29.04.2014

Бумага офсетная 65

Формат 121x175 мм

Тираж 500

Издательство «Буква Статейнова»

Красноярск, ул. Маерчака, 3, оф. 503

Тел./факс 211-75-75, 211-77-78

E-mail: stateinov@bk.ru

Сайт: knigasib.ru, krasbukva.ru

Для писем: 660075, Красноярск, а/я 2430